

Антология современной поэзии

Многомоче...

Выпуск 7

2008

Многоточие...

Выпуск 7

2008

Добрый день!

Отшумели новогодние праздники, пролетело рождество. Время неумолимо мчится вперед. И все чаще ощущаешь, что за ним не угнаться. Начало этого года связано с невосполнимой для многих утратой. Ушел из жизни один из ярчайших авторов Литсовета Заморин Сергей. На сайте мы его знали под псевдонимом Грэй. Отдавая дань памяти Сергею, я принял решение о публикации на последней странице этого сборника двух стихотворений Грэя.

В этом году и вместе с этим выпуском «Многоточия...» суммарный тираж сборника перевалил за 1000 экземпляров, хочется надеется, что наше издание не остановится в своем развитии и будет привлекательным не только для наших постоянных авторов, но и приобретет новую как читательскую так и авторскую аудиторию. Хочу пожелать всем провести приятно время за чтением очередного выпуска антологии современной поэзии «Многоточие...»

С уважением и наилучшими пожеланиями,
составитель сборника «Многоточие...»
Глухов Сергей

Ольга Абайкина

г. Москва, Россия

На шкуру убиенного медведя

На шкуру убиенного медведя,
Распятую в подрамнике причуд,
Смотрю, не прорицая и не бредя,
Не обсуждая ни гламур, ни блуд.

А надо б разделить сию добычу
На всех, кто вождедел, травил, страдал,
Но я врагов своих бездумно кличу
На пир души, предчувствуя скандал.

Мне жаль бездарно вскрытую интрижку,
Как не_взгноённый временем нарыв.
Из жути суть, как из берлоги мишку,
Я поднимаю, тушу оживив;

Чтоб, умилившись случайным сходством
С тем, кто любовью публики согрет,
Ты не увлёкся похотью и скотством,
На ней рисуя злом автопортрет.

Любовь не может быть грехом

Любовь не может быть грехом:
Всё ею созданное – свято.
Не нужно думать о плохом,
Коль сердце пламенем объято;

Коль дух, свободою влеком:
Ломает данности границы;
Коль тело в травы босиком
Со всей беспечностью стремится.

Но выкатят из горла ком,
Размыв слезами крокодила,
Слова, не ставшие стихом,
Коль нелюбовь их выводила.

Цените грядущего классиков

Цените грядущего классиков,
Пока они живы, цените;
Вам шанс незначительный, масенький
Даётся от высших наитий.

Цените, пока их дыхания
С вопросами вашими слиты:
Их Слово крушит расстояния,
Как капли воды монолиты.

Цените, прошу вас, пожалуйста,
Их глас, что касается тверди,
Себя не лишайте их жалости:
Любите, надейтесь и верьте.

Никто не торопится в классики:
Их жизни, признав, сохраните,
Коль звёзды хулой не погасите
В зените, прославив в граните.

Ночь уронила на порог, как самотканую прохладу

Ночь уронила на порог, как самотканую прохладу,
Тоскою вышитый итог, сокрыв иллюзией преграду.
Дерюжкой старой тишину на путь сомнений настелила:
Не позову, не обману, на страсть я стала старше, милый.

Тобой назначенный обет на «нет» свёл все мои попытки
Тебя увидеть или свет в конце тоннеля долгой пытки.
Сама с собою тет-а-тет ту бесконечную беседу
Веду я столько долгих лет, уверовав в твоё: «Приеду...»

Молясь, чтоб был здоров, богат, послами шлю в твой дом удачу,
Как хитро-мудрый адвокат, молчу без паузы и плачу.
Уходит ночь: назначил срок ей прокурор небес – Ярило.
Причудой утренний звонок: «Просите, боль заговорила.»

Вор был, как банный лист пристав, речист, навязчив и неистов –
Судеб переписал устав любовно-беспристрастный пристав.

Тульские пряники, тульские ружья

Тульские пряники, тульские ружья,
Тульское чудо – живая река;
Плёсов песчаных таят полукружья
Предков заветы, их дарит Ока.

Пусть раскидала по русским просторам
Судьбы наследников воля планид,
Тёплую грусть по былым разговорам
Память сердец для детей сохранил.

Помню улыбку седого дедуки:
«Льдом раньше времени встала Ока...
Немцы... Фашисты... мальцы, да калеки...
Мы победили! Не мучь старика!»

Помню отца бесшабашную удаль:
«Будут ракеты взрывать тишину!»
В синь беспричинно: «Увижу ли... Буду ль...»
Верю! Летают! И ... Не обману!

Помню советы певуни-бабули:
«Олюшка, мальчиков наших жалей!
Женская доля беречь их от пули:
Силу черпай из лесов и полей!»

Пряники тульские, тульские ружья...
Сколько вас было? Сколь выпадет впредь?
Помните! Верьте! Не кнут и остужье –
Светлая память не даст умереть.

* Остуда - размолвка, обида, досада; остужий - спорщик, человек, который любит ссориться.

Тебя, на святость обрекая, как сто вагонов под откос

Тебя, на святость обрекая, как сто вагонов под откос,
Я отпускаю. Вот такая любовь – ты до неё дорос.
Пойми: не я в том виновата, что слаще мёда в пене рос,
Дороже серебра и злата был аромат моих волос.

Ты, мной просимое когда-то, на блюде страсти преподнёс
И охранял мой сон крылатый, как верный, но голодный пёс.
Но не проси о невозможном: тебе рассвет, а мне закат,
Я для тебя – печаль о прошлом, и ты ни в чём не виноват.

Себя, к забвенью обрекая, как лодку в море без весла,
Я отпускаю. Вот такая любовь, что я переросла.

Я совесть твоя, и твоё искупленье

Я совесть твоя, и твоё искупленье,
Я счастье твоё: и Эдем, и Содом,
Я тот огонёк, что ласкает поленья,
Чтоб светом наполнился сумрачный дом.

Ты радость моя и моё отречение,
Земная юдоль и небесная высь,
Ты эхо беспечное в слогe сомненья,
Что держит и гонит, прося: обернись.

В нас демон и Бог: вдохновенье и тело
Ведут бесконечный, как миг, диалог
О том, как безумно тебя я хотела,
О том, как желанье ты не превозмог.

Страданий полунощная наперсница

Страданий полунощная наперсница,
Сегодня ты парадно-полнолика.
Банальщина, но хочется повеситься
На равнодушьем отражённых бликах.

Всё б рассказать, но сразу не получится;
Покаяться б, но тянет в грех, как в петлю;
Обидеться б, но ленятся разлучницы;
Я ж, как всегда, с разоблаченьем медлю.

Безумный мир, по что планиды грабятя:
За страсти скоморошья и портянки,
За скачки и полёт над сеткой-рабицей,
За боль сердец, что печат наперстянкой?!

Одна душа на полнолуныя корчится
И дёргает до судорог орбиты,
Бельмом в глазу небесная наводчица;
Но с ней давно мы безнадежно квиты.

Мудрость, раскрываясь чашей лотоса

Мудрость, раскрываясь чашей лотоса,
Мимо войн, дерзаний и величья,
Ускользает ароматом кротости,
По надёжной глади безразличья.

Глупость, потревоженная завистью,
Бьётся по судьбе горластой птицей,
Ищет, увлекаясь, ждёт и мается,
Падает, чтоб вновь кричать и злиться.

Вечность и с цветком, и с Божьей птахой
Бережно-слепа безумьем стужи:
Изомнёт, изнежит, разбабахая,
И уронит там, где обнаружит.

Со дна затмений кратким откровеньем

Со дна затмений кратким откровеньем
Придёт твоих отчаяний кинжал,
На грудь моих игривых отречений
Коль руку ты над сущностью разжал.

Но в силу родовых недоумений
Гармония разрух и мятежа
Проникновенно таинству прочтений
Не даст нам шанса рока избежать.

И торжествуя над невинной тушей
Под гром оваций нудный, как обвал,
Ты душу в тишине невзгод послушай,
Которую, как девку, продавал.

Ни оправданий гнев, ни обвиненья
Тяжёлый и навязчивый туман
Тебя проводит по тропе сомненья
В одну из самых заповедных стран,

А к сути неизбежной принадлежность,
Чиркнув по небу крылышком стрижа,
Вернёт тебя в мою любовь и нежность,
Не веруя, не требуя, дрожа.

Ноябрь, по прошлому алея, обдав волною мирных шествий

Ноябрь, по прошлому алея, обдав волною мирных шествий,
Ласкает старую аллею, но по привычке против шерсти.
В ней, сострадательно жирея, в который раз с ним удивлюсь я
Тому, как плен оранжереи мы смело именуем Русью.

Пересадив у мавзолея былых затей седые ёлки,
Идеи новые лелея, чтим, пуще правды, кривотолки.
А сердце рвётся на просторы, где колыбель свобод качали
Вожди несбыточного «скоро», безумств, иллюзий и печали;

Чтоб те, кто чресла греет в кресле, сжав в лапах скипетр и державу,
Забыли «кабы» все и «если», трудом увлекшись для забавы.

Не лови ворон – зеркала тянут жуть, словно сталь магниты

Не лови ворон – зеркала тянут жуть, словно сталь магниты:
По любви бы я в них прошла – пусть хоть клеены, хоть разбиты.
Отвернись от них, не смотри: в мутных бликах и краски лживы.
Если б был ты в душе, внутри, то остались и чувства б живы.

А теперь ты для нас пропал: лёд стекла, поглощая стужу,
Королевство кривых зеркал обратил в мир людей, наружу.
Я былая в зрачках витрин, там, где мальчики-манекены,
Словно ленточки для смотрин, тянут нервы и режут вены.

Лобовик протри изнутри; светом фар мигнёт отражатель.
Нет меня в зеркалах, смотри: только ты – былой обожатель.
Светофор проезд обагрил – год за три: Пути не лужайка.
Шёлк дороги прикрыв акрил – зеленей не дадут, езжай-ка.

Вера нам на всех одна дана, но слова... Они порой так странны

Вера нам на всех одна дана, но слова... Они порой так странны:
Звукорядом ловит Сатана в повседневность шорохи сутаны.

А как часто не найдя ответ, мы за ним спешим на поле брани
Путать аргумент и арбалет, словом походя смертельно рая?

Не видна причастия вина к истине: ни много и ни мало,
Хоть одна, до горечи, до дна и душа, и капля из бокала.

В нашем тазике страстей не меняют воду

В нашем тазике страстей не меняют воду –
Та ж она, но чуть грязней от любви к народу.
Как его нам не любить, коль, томим от жажды,
Ноги мыть и воду пить норовит тут каждый?!

Долог путь, да в сборах скор тот, кто злато-сбрую
Потерял, идя на спор, но базар фильтруя,
Правду-матку заменив сказкою и сплетней:
Пусть на час, но ты Халиф, дай, Бог, не последний.

После мойки: хоть в потоп, хоть в пожар, хоть в трубы
Бабу с возу, и в галоп – люди, кони, срубы.
Музыкант, гончар, пиит, пей, даруй и страждай,
Помня, истина гласит: не омыть ног дважды

В нашем тазике обид и любви народа –
Всякий может быть убит, коль не видит брода.

Не ремесло, но хобби лоботряса

Не ремесло, но хобби лоботряса
Толкает по бумаге карандаш;
Ночных тревог бесформенная масса
Из бреда входит в мозговой вираж,

Чтоб, зацепив случайные картинки,
Слова, дрожа в калейдоскопе фраз,
Нашли к сердцам заветные тропинки,
Иль сгнули... когда бы не про вас.

Их плодотворней, чем известный веник,
Иль менее прославленный бизон,
Безвременьем гонимый, шизофреник
Сливает в осень, обострив сезон.

Настроив память на предел печали

Настроив память на предел печали,
Я тело погружаю в негу вод;
Подъёмля волны томные: желали,
Гошу их в омуте страстей: приплод,

Где лаской из купели неизбежность,
Словам не веря, доверяя сну,
Перемножая правую бережность
На левую, нечаянно блесну.

Врата вселенной – зев гонимой самки –
Притянут, стадностью закоротив,
В гнев, праведный, банальной перебранки –
Защиты Левия святой мотив.

Чтоб левитаций истого судейства,
Опорожнённый трезвостью, бокал
За действие, окрылённого злодейства
Ты с парадизной леностью акал.

Истинного золота земли Яуза вертлявая намыла

Истинного золота земли Яуза вертлявая намыла
Там, где водяные сберегли с лешими в ручьях-лужайках силу.
Изумруды чистые ветлы ветер рвёт, срываясь на берёзках,
Тополь, что раздет и суетлив, с ясенем тягается в обносках.
Клён вульгарной томностью кичлив, истерично, беззащитно тонок...
И на всё: надеждой на разлив вечная пронзительность сосёнок.

Ты так хотел, чтоб победила плоть

Ты так хотел, чтоб победила плоть,
И новой жизни искорка забилась,
Не в нашей власти – в праве лишь Господь
Послать двоим любви бессмертной милость.

Я так хотела, но вселенский страх
Сжимал в тисках, как реку жмёт плотина,
Тебе я объясняла впопыхах,
Что думать мне о будущем противно.

И так, желаний развилась спираль
В прямую: бесконечную прилежность,
Перечеркнув надежды и мораль,
И суету, и высоту, и нежность.

Дождь нудней, чем китайская пытка

Дождь нудней, чем китайская пытка,
Всё стучит и стучит мне о том,
Что цыганского счастья кибитка
Затерялась в тумане густом;

Что была зачтена нам попытка
От оседлости выстроить дом,
Сад взрастить, ограничив калиткой
Память предков о веке былом.

И мотивам холодным с улыбкой
Я внимаю, но дрёмой влеком,
Дух, свободой укрыв, как накидкой,
В сон уводит жестоко – силком.

Затянув, словно струнку на скрипке,
В дождь тропую неписанных глав
Из тепла накрахмаленной зыбки
Рвёт, с крылами коня оседлав.

Сергей Глухов

г. Алматы, Казахстан

Она пишет стихи

Она пишет стихи,
каждый день,
возвращаясь
с работы.
Вспоминая,
как день
пролетел,
без него.
Она пишет
стихи,
невозможные
вместе полеты,
в бесконечность,
в безвременность
первой мечты.
Она пишет
стихи,
не свершилось
и вряд ли
случится
когда-то.
Невозможность
приблизить,
ушедших
из жизни
потерь...

Ты только не молчи

Ты только не молчи,
не надо.
Мне очень холодно
в удушии ночном,
еще минуто
и молчанье
станет адом,
невыносимым,
в облике твоём.
Вот так бывает,
ссоры и разлуки.
Нас разделяет
время нелюбви
и сердце
так болезненно
сжимает

как правило
от холода
в груди.
Твое прости,
сродни моей
печали
и наша
ссора
тянется
всю ночь.
Мы говорили,
а потом
молчали,
пытаясь
отчужденье
превозмочь...

Похолодало в области груди

Похолодало в области груди
и застучало рваными толчками.
Мне хочется сказать тебе, прости
все кончено, пожалуй, между нами.

Февральских стуж не выплакана грусть.
Морозы, снегопады и печали.
Я через год опять к тебе вернусь,
моя зима мы так с тобой устали...

Люди!!!

Люди!!!
А ведь
где-то здесь
бродит любовь
и ее не узнать
слишком просто.
Так пройдет
незамеченной,
мимо,
взглянув
чуть кокетливым
взглядом с подмостков.
И уйдет
обернувшись,
прости друг,
прощай.
И кричи,
не кричи
бесполезно...

Я прощаю тебя

Я прощаю тебя,
за подавленность
в области сердца,
за твою нелюбовь,
за предательство
общих идей.
Я не стану кричать,
хотя знаю,
так в общем-то
легче,
пережить
и забыться
надолго
в себе
замолчав.
Перемена идей,
слишком важная
часть твоей жизни,
отказаться от них
ты не сможешь
в угоду другим.
Оставайся собой
и не слушай
чужих
суеверий,
у тебя за спиной
будут долго
от злобы
молчать...

Твое желание любви

Твое желание любви
сродни торнадо.
Не рассмотреть его вблизи,
да и не надо.

Ты уничтожишь на пути,
сломав преграды.
Твое холодное прости,
темней лампы.

А после тихо и темно,
живите дальше.
Сказать что это все грешно,
смогу без фальши.

Ты вновь уходишь в никуда,
за новой жертвой.
В душе осталась борозда,
любовью стервы.

Ну, вот и все

Ну, вот и все.
Пора,
пора,
пора,
не уговаривай
остаться
хоть на сутки.
Мое
вдруг
очерствевшее
вчера,
похоже
лишь
на слезы
проститутки.
Все изменилось,
веришь или нет?
Мы расстанемся,
тихо,
без надрыва.
Бесхитростный,
обыденный сюжет,
не предвещал,
любовного
разрыва.
И вот теперь,
когда ты далеко,
мне снятся сны
с тобою в главной
роли.
Сердечный ритм
неравенством толчков
зовет к себе
давно
забытый облик...

Скажи мне Бес

Скажи мне Бес, как часто искушаешь
ты нас людей запретными мечтами?
Соблазн велик и ты об этом знаешь,
как обольщать голодного плодами.

Они вкусны, их форма совершенна
И, раз вкусив, вернешься ли к истокам?
Один из них любовная измена
как правило, ведущая к ожогам!

И вот теперь беседуя об этом
ты говоришь, что в этом нет порока.
Когда любовь приходит ярким светом
не вовремя и кажется до срока?!

Когда стоишь, а выбор невозможен
и разорваться маловероятно.
Склоняешься к тому, что будет ложью
и эта ложь как хищник плотоядна...

Увы, мой ангел

Увы, мой ангел, это невозможно,
винить себя в содеянных грехах!
Слепая страсть, увенчанная ложью
выплескивалась в искренних словах.

А ты молчал, теперь своим укором
мне не даешь спокойно созерцать.
За нимфой уступившей вдруг напору
и от любви уставшую стонать.

Скажу тебе в порыве наслаждений
не думалось о том, что согрешил.
Я брал и отдавал без сожалений
и думаю, что просто этим жил.

Пока мой друг теперь я умолкаю!
Оправдываться, более нет сил
и знаешь, я давно себя прощаю
за то, что этот грех тогда вкусил...

Эта ночь была долгой

Эта ночь была долгой,
такие случаются летом.
ты, укрытая пледом
и звездные в небе осколки.

Ночь спала, как ребенок,
а я разговаривал с Бесом,
наблюдая за лесом.
-Мой маленький нежный "котёнок"!?

Разговор о соблазнах
Пустой и по сути никчемный,
этой ноченькой чёрной,
наполненной тенью сарказма,

Он ушел, не простившись,
наполнив сознание туманом,
и возможным обманом
к себе навсегда возвратившись.

А потом, чуть позднее
мой взгляд устремляется к небу
Ангел к лунному свету
зовет и зовет все сильнее.

Ну, а мне безразлично -
такое ведь тоже бывает,
и луна, как живая,
смеется немного мистично.

Человек ниоткуда
Как правило, в мир не приходит.
Вижу, солнце восходит -
рождается светлое чудо.

Мне в этом городе родиться "повезло"!

Мне в этом городе родиться "повезло"!
Он выдыхает окись углерода,
в нем не достроено холодное метро,
пристанище бездомного народа.

Из позитивного? Асфальт прямых дорог,
стекло, бетон, деревья между улиц.
Давно знакомый и привычный мне порог
и шлюхи так похожие на умниц.

Провода вдоль домов

Провода вдоль домов,
провода вдоль дорог.
Провода,
провода,
провода...
Знаешь милая?
Я ведь сегодня
продрог.
Этот холод
живет в проводах.
Ветер выл
и скрипел,
и гудел
в проводах.
Вызывая
озноб на душе.
Ты давно
распрощалась
со мной
навсегда,
навсегда.
С голодранцем
в пустом
шалаше...

А голос твой сел от моих усилий

А голос твой сел от моих усилий,
и петь ты не сможешь сегодня - факт.
Дурмящий запах вчерашних лилий
опять провоцирует страстный акт.

И я прижимаюсь к тебе с любовью,
вновь чувствуя телом немую дрожь.
Отсутствие голоса - путь к безмолвью.
Любовные связи - немая ложь.

Вид из окна

Вид из окна
определен размером,
и вовсе не прозрачного стекла.
Возьмем окно
поэта для примера
и, проникая в тайны ремесла,

Увидим стол,
заваленный бумагой,
и несколько исписанных листков.
Поэта за глаза
зовут писакой,
создателем бессмысленных стишков.

Ах, да, окно
и вид, который гордость
не вызывает в общем-то у нас.
Обычный двор,
но это ведь не новость,
когда поэту голодно подчас.

Так вот, окно
огромного размера
и с видом на обилие стекла,
как результат
продажности химеры,
а вовсе не рабочего кайла.

Эта жизнь, словно ярмарка злобы

Эта жизнь, словно ярмарка злобы -
встали в круг прощелыги и снобы,
здесь Пьеро в середине арены
сочиняет о жизни катрены.
Быть смешным - не простая задача,
если сердце от холода плачет,
неудачник любовной доктрины
был отвергнут своей Коломбиной.
Эй, Пьеро, не сдавайся без боя!
Если любишь, то станешь героем!
Будь настойчив в попытках добиться
благосклонности юной девицы.
Нас судьба слишком часто дурачит,
и капризная тетка удача,
улыбаясь предательски в спину,
строит козни теперь Арлекину...

Монолог стакана

Бывает так: вагон, купе, дорога.
Все разговоры, в целом, ни о чем.
Здесь в собеседниках девица-недотрога,
А в собеседниках - поэтишка-пижон.

В который раз я молча созерцаю,
Лишь только ложечка по краешку стучит:
«Я слишком пуст, налейте, что ли, чаю,
Пока мне душу не разъел артрит».

Ну, вот теперь послушать диалоги
Я приготовился... Ну, врите наконец,
Какого черта говорить о Боге,
Когда вас деньги тянут под венец.

Она мила, немного инфантильна,
В цветах предпочитает violet.
В мужьях? Да все они скотины,
И не способны даже на памфлет.

Мечты, мечты... о, сколько вас витает...
И в ароматном воздухе ночном
Романтики хотелось бы и чаю,
Какой-то в горле непонятный ком.

Мой друг, поэт, ведь вы - ценитель слова
И искуситель девичьих сердец.
Хочу узнать от вас о чём-то новом,
Ведь вы по виду, кажется, мудрец.

Мой муж был стар, меня покинул рано.
Я безутешна, кажется, была.
Пока в душе не затянулись раны,
Я без любви, как водится, жила.

А вот теперь - свободна и богата,
И телу хочется и ласки, и страстей.
В любовники - красивого мулата,
И, может быть, в замужестве детей.

Ну, вот и все, перрон и остановка.
Нас ждет Париж, театры и «Сапсан»,
Привычная, быть может, обстановка,
Ну, и богатый толстый старикан.

Рукой взмахнула несколько неловко
Стакан упал и вдребезги разбит.
За все платить заставит мышеловка,
Расчет в любви - проигранный гамбит.

Мы сводим друг друга с ума

Мы сводим друг друга с ума,
молчанием или словами.
Слова вызывают туман
плывущий над головами.

И думать увы нет сил,
когда на спине и молча,
любовью своей томил
одежду срывая в клочья.

Я столько в тебе открыл,
и в жесте твоей истомы.
Я пил твой любовный пыл
в тебе растворяясь стоном.

Бойся, поэт, состязаться с величием музы

Бойся, поэт, состязаться с величием музы,
сколько вас было, погибших от звуков кифары,
тех, кто осмелился стать ей ненужной обузой,
тех, кто теперь подметает пустые бульвары.

Сломаны жизни, надежд неоправданных много,
гениев нет, а в остатке одни графоманы.
Что для тебя разговоры пустые о долге,
если словами никак не заполнить карманы.

Бойся, поэт, состязаться с величием стаи,
сколько вас было, задушенных стадом пиитов,
грозные окрики вскоре окажутся лаем,
вместо чернил - сквернословия грязные биты.

Бойся поэт, что исчезнет твоя Терпсихора
или Эрато - уж как там отпущено Богом.
Бойся всего, но не бойся величия хора,
разноголосия, данного свыше пророком.

Валентина Дроздецкая

г. Санкт-Петербург, Россия

Не ревнуй, любимый мой, не надо...

Не ревнуй, любимый мой, не надо,
Так легко сломать все в одночасье.
Резких слов полынная досада
Может уничтожить наше счастье.

Говорю, что нет к тому причин,
Посмотри внимательно мне в душу,
Ты один, там нет других мужчин,
Я любовь изменой не разрушу.

Ведь любовь, как бабочка в руке,
Нежно и легко прикосновение,
Если грубо стиснешь в кулаке,
То погибнет за одно мгновение.

Твои карие глаза...

Твои карие глаза меня пленили...
Как же долго я ждала тебя!
От судьбы подарок получили,
Жить теперь не сможем не любя.

На одном канале и дыхании.
Плохо мне - ты ощущаешь боль.
Наших душ идет соприкосание.
Это счастье - рядом быть с тобой.

Не искала я любви запретной,
Но сопротивляться нету сил.
Лишь прошу у Бога беззаветно,
Чтобы чувства наши сохранил.

Мне надоели бури и волнения...

Мне надоели бури и волнения,
И глупая, никчёмная борьба.
Хочу легко и просто по течению
Я плыть и плыть, неведомо куда.

Загадывать и думать нет желания,
Что ожидает где-то впереди,
И не нужны мне при свечах гадания,
Кого ещё я встречу на пути.

Я счастлива сейчас и это главное,
Я радуюсь тому, что мне дано.
Ведь наша жизнь - такая вещь забавная
Так пусть свершится то, что быть должно

Разлучница

Да, я разлучница в твоей судьбе!
Боль никому нести я не хотела,
Но мысли днём и ночью о тебе,
Твои давно мои душа и тело!

Мы половинки - вместе быть должны,
Жизнь долго нас с тобою разлучала...
Друг другу мы отчаянно нужны,
Совсем не поздно всё начать с начала...

И может быть, когда-нибудь...потом
Мы вместе под одной сойдемся крышей...
А впрочем... Я, наверно, не о том.
Важнее та любовь, которой дышим!

Шанс из тысячи

Любить тебя! Другого не дано...
Моя судьба сплелась с твоей на годы.
Так было свыше нам предreshено
И это не влечение природы.

Любовь моя невзгодам вопреки
Не обессилит, не опустит руки
И не зачахнет с горя от тоски,
Переживет все тяготы разлуки.

И сохранит тебя от разных бед,
Она согреть сумеет и спасти,
Но лишь предательства и лжи в ответ
Не хватит силы ей перенести.

Ты сбереги ее, Любимый мой!
Судьба не зря с тобою нас свела.
Познали счастье мы вдвоем с тобой.
Она нам шанс из тысячи дала...

Все имеет твой срок

Мы с тобою сейчас бесконечно близки,
Но пугают меня наши нежные чувства.
Права нет, по тебе изнывать от тоски.
Я легко расставаться освою искусство.

Ведь когда-то потом, через несколько лет,
Я уйду, понимая, что ты мне не нужен...
И оставлю в душе твоей маленький след-
Ты был в жизни моей, но, увы, чужим мужем.

Жизнь несется вперед, ускоряя свой бег,
Все имеет свой срок: и любовь, и разлука.
Не грусти мой любимый, родной человек.
Время все еще есть, и мы любим друг друга.

Татьяна Игнатьева

г. Тихвин, Россия

Здесь прозрачные дни над рекой

Здесь прозрачные дни над рекой
Зависают как шарик воздушный.
И закат перед дождиком душный
Манит лирики вязкой строкой.
Здесь навеки сады в полусне
Привязали к вчерашнему детству.
И от грусти мне некуда деться,
Как под солнцем снегам по весне.
Мне бы накрепко здесь прирасти,
Прорасти бы корнями, всей болью.
Здесь я вскормлена тяжкою солью
Из натруженной щедрой горсти.
Этот мир весь до капли – родной.
Но однажды уйду я немея,
Потому, что вздохнуть не сумею,
Понимая – он просто не мой...

Разложены пасьянсом облака

Разложены пасьянсом облака
На речки серой скатерти. И носит
Охапками цветными листья осень
Откуда-то, бог весть, издалека,
Забрасывает ими города.
А те, сурово съезжившись, застыли,
Как будто навсегда весну забыли,
И мир не улыбался никогда.
Мне по душе печали вечера.
Переполняюсь звонкой тишиною,
Бреду-живу осеннею странною
Через сегодня в топкое вчера.
И ухожу совсем по краю сна.
Куда? Ах, если б осень мне сказал
С какого одинокого причала
Мне приглашенье шлет моя весна.

Тихвин

Здесь по северной стылой дороге
Только морось и мгла круглый год.
Вязнут елей промокшие ноги
В окоемах безбрежных болот.
Гарнизон был поставлен на сгибе
Говорливой коварной реки,
И незванным врагам на погибель,
И суровым годам вопреки.
На гербе золотая корона
По червленому полю щита.
И плывут бесконечные звоны,
Как по речке Вселенной лета.
Позабывтый, казалось бы, всеми
В хороводе дымящих болот.
Здесь неспешной походкою время
Вдоль стены монастырской бредет.
Как слезинка печальный и тихий
У России на впалой щеке
Вечным стражем мой маленький Тихвин
С Чудотворной иконой в руке.

Падение Владимира

*«Душа моя повержена в прах,
оживи меня по слову Твоему...»*

Весна лихую вестью прилетела –
Идут татары на Владимир-град.
Уже пал Суздаль, и Москва сгорела,
На Сити княжьи витязи стоят.
Князь Юрий* собирает ополченье,
А очи застилает гнев и мрак,
Болит в груди от горького мученья –
Как там семья! Идет на город враг!
А враг уж тут, хохочет и глумится.
Княгиня над сынами слезы льет,
Не долетит за помощью и птица,
А город рухнет, он вот-вот падет!
На сердце скорбь, не гнев и не смятенье,

Хотя беда и смерть со всех сторон.
И льет с высокой звонницы Успенья
Протяжный плач поспешных похорон.
А рядом княжич вертится с лошадкой:
- Ведь я же князь!? – сжимает кулачок
И из окошка им грозит украдкой.
Ты князь, мой птиц гораздый, мой внучок,
Единственный защитник наш, ей-богу!
Ты только под ногами не мешай.
- Я на коняжке к деду на подмогу,
- Тогда вперед, мой птенчик, поспешай...
Разбиты стены, и надежда пала.
Теперь нам только к Богу, и молясь,
В соборе к Божьей Матери припали
Детишки, бабы, малолетний князь.
Взбирались на хоры, шепча молитвы,
И Бога призывая, и мужей,
И верили – домчит сквозь грохот битвы
Последнее «прости» до их ушей.
Никто и не заметил в суматохе,
Что мальчик затащил коня с собой.
Ну, как же князю без коня, а крохе
Отчаянно сейчас хотелось в бой.
Внизу костер разложен, и татары,
Святых хлестали плеткой хохоча,
И отблесками алчного пожара
Запрыгали зрачки у палача.
И вдруг: «Не смей!» И вниз летит лошадка
В расширенные черные зрачки.
На стареньких хорах перила шатки –
И следом князь, сжимая кулачки.
Он пал в огня распахнутое чрево,
Распугивая всех своих врагов.
Пречистая к нему спустилась Дева,
Чтоб проводить до светлых берегов.
Ведь Ангелу такого мира мало,
Для чистых душ вовеки смерти нет.
...А старая княгиня прошептала:
Лети, мой птиц гораздый, мы вослед...

*Юрий (Георгий) Всеволодович – великий князь владимиро – суздальский – 1188 – 1238 гг.

Моя Гардарика – бревенчатые сны

Моя Гардарика – бревенчатые сны.
На слаженность костров взмывает ветер,
Смолятся свежеструганные клетки,
Грачинный грай на краешке весны.
И черная распаханная новь
Вздыхнет парами в утреннее небо –
Дарительница ласкового хлеба,
Святая всенародная любовь.
За балкой непочатый край лесной
Цветочно-грибо-ягодных сокровищ,
Обитель удивительных чудовищ
Из сказки зачарованной ночной.
И башенки над крепкою стеной,
И долгий взор из девичьей светелки,
До расписных заставень тянут елки
На колких лапах аромат густой.
На радость сердцу, далеко видны
До глупых слез любимые просторы.
По зеркалу небес – твои узоры,
Моя Гардарика – бревенчатые сны.

Валаам

Нескончаемой гладью озерный разостланный сон.
Острова каменистые стайками высятся мгlisto
И отрадно горят нам в глаза куполами лучисто,
И ложится на головы долгий малиновый звон.
Крылья чаек развеют в лазурной святой тишине
Суету и тревогу, и мысли в осколки разбиты.
К возрожденному храму, святыни Смоленского скита,
Подхожу и немею, ладонь прижимаю к стене.
Вперемешку с молитвою-жалобой льется печаль.
А ответным накатом – тепло по души закоулкам...
Окропленное лето под куполом облачно-гулким.
Отдыхаем в траве, глядя в синюю чистую даль.
Где-то рубят дрова, сочным эхом разносится стук,
И корова мычит. Вот какие здесь звуки бывают!
И монах проходящий неспешно крестом осеняет:
«Православные, деточки, вы не боитесь гадюк?»

Мне бы вырваться, попросту вылезти

Мне бы вырваться, попросту вылезти
Из тенет плесневелой обители,
Из навязчивой давящей мыльности.
Усмехаясь над вечным «обидели».
Мне бы руку нащупать горячую,
Без истерик, без охов, без жалости,
От обрыва – подальше. Я – зрячая,
Только свет не гасите, пожалуйста.
Дальше просто – взлететь и опомниться –
Что владеешь бесценными крыльями.
Не напрасно земная бессонница
Заставляла зубрить непосильное.
Не тащу за собою обиду я
До седьмых рубежей небожителей.
А во след кто-то рвется, завидуя,
Из тенет плесневелой обители.
И кидается в небо отчаянье,
И стучится морзянкой прерывисто.
Но невидимой носится чайка
Одинокая – Джонатан Ливингстон.

Одиночество духом пернатым взлетает из рук

Одиночество духом пернатым взлетает из рук,
Пересошим колодцем ложится под сердце земли
И взирает пустыми глазницами ветхих старух,
До последнего ждущих из чрева морей корабли.
Почерневшие полки хранят седину паутин,
Позабытые стрелки часов все по кругу бегом.
И рисует судьба на ладонях эскизы картин,
Тех, которые некому будет смотреть перед сном.
Растворяется солнце в вечерней уставшей дали,
Превращается в снег тополиный слезавший пух
И ворочает море пустые давно корабли,
И глаза корабельные смотрят со дна на старух.

Я потерялся, кажется

Я потерялся, кажется. Ну что ж,
Пора найтись. Ведь ночи середина.
Как жгуче пахнет в полном мраке тина.
Болото рядом. Пробирает дрожь.
И я спешу, не чувствуя ни чуть,
Ни сбитых лап, ни вырванного клока
Енотом у меня с худого бока,
Ни филина пронзающую жуть.
Я голоден и полон темноты.
За бабочкой погнался для чего-то,
И вместо тесно-тепленького грота
Захлебываюсь ветром пустоты.
Не думаю, что сгину, и не вру,
Но чувствую – меня ведет упрямо
Не знаю что, наверно, это мама.
И вкатываюсь счастливо в нору.
Откинув братца, я сосочек рву.
И мама дождалась-таки ребенка,
Меня, всего недельного зайчонка,
Не могущего есть еще траву.

Коло Рода

У Смородины-речки кипучей
В заповедном Ирийском саду
Не грозью собираются тучи –
Воронье накликает беду.
В небесах бьются с Вороном Сокол,
Бьется с Кривдою Правда сама.
Как на нежное Лето жестоко,
Смертью злой налетает Зима.
Новый мир, нарожденный на муки
И на счастье – пока лишь раздор.
В чьи достанется властные руки,
Со смирением ждет приговор.
А вокруг закипающей страстью
Рвется надвое все, что живет.
Целит нечисть оскаленной пастью,
Ярость светлая стиснула рот.
Не осилит ни то и ни это...
Порешили, сойдясь – навсегда
Разделить все до капельки света.

Жизнь и Смерть, или Счастье – Беда.
Род-родитель раскручивал Коло,
Новой жизни быстрее и быстрее.
Явь и Навь – переменное соло
В карусели вертящихся дней.
Мир живой угловатый, непрочный,
Но он просто неопытен, юн...
И о нем говорит днем и ночью
Птица вещая – Гамаюн.

Одиночество, питающее прозу

Одиночество, питающее прозу,
Рифму вычурную вычеркнув, строча
Строчки длинные, ты будто бы занозу
В сердце вкальываешь страстью палача.
Одиночество, глаза на мокром месте,
Что ты знаешь про безумие идей,
Сладость жертвы, силу страха, радость мести
В тихом омуте издерганных людей.
Раствориться беспристрастно миражами
Не удастся, я везде тебя найду.
Обескровленными жадными губами
На последнем издыханье припаду.
И уже нас будет двое. Только к слову
Тут о жертвах, откровенно, не тая –
Одиночество, ты слышишь, я готова,
Выпускай из клетки тигров, я твоя.

Декабрь

Осенней ночи хмарь покинет небо,
Расчистив фиолетовый экран,
Угаснет хвост пленительный Денеба,
И алый глаз зажжет Альдебаран.
Морозный воздух вверх дымы потянет,
Забудутся дожди унылых слез.
Мир в юном снеге, будто бы в сметане,
Далек еще зимы апофеоз.
Но год свои заканчивает сроки
На этой, на двенадцатой версте,
И городские зимние сороки
Разносят эту новость на хвосте.
Печали капля леденеет в холод.
Как в передснегопадной тишине,
Колотится живой сердечный молот.
А табор шумных лет уходит в не...

Страдивари

Свое богатство по горсти,
По зернышку и по песчинке,
Всю жизнь трудясь, ты нарастил
Как глыбу льда из тонкой льдинки.
А для чего, кому оно,
Какого ради блага, прока?
Талант, как скисшее вино,
Когда не передал урока
Ученикам. Пуста душа
На склоне лет, и эти руки,
Так много чуда соверша,
Жмут кулаки в бессильной муке.
Но кто увидит, кто поймет?
Да и поверит ли в бессилье,
Когда в руках твоих поет
Сладкоголосая Мессия.*
Когда прекрасное дитя
Как титул цезаря и лорда,
Сквозь мрак веков звездой летя,
Твое проносит имя гордо.
А ты, скрывая немощь рук
И обжигаясь горькой влагой,
Все пьешь густой тягучий звук,
Клонясь над скрипачом-бродягой.

*«Мессия» - скрипка, созданная Антонио Страдивари.

Яна Кошук

г. Павлодар, Казахстан

Увидишь дождь за окном – ты не думай, не слезы...

Увидишь дождь за окном – ты не думай, не слезы...
Я свои тихо прячу в стол
В стопку брошенных дней и оборванных песен.
А внутри у меня пустота вверх ногами..
только грусть молчаливая кролем в стакане
рассыпаясь в круги, всё никак не утонет.
Мне б по ветру ползти, прикрываясь любовью,
Забывая про раны, попросить чтобы гладили
Твои пальцы чувствительный космос
кожи нежно-атласной, тела плавные стадии.
Забери, Обними, Разбуди, Успокой...
Просто рядом побудь... подыши тихо в шею..
И скажи поцелуем что ты только мой...
Я в ответ тебя сердцем невольно согрею..

28.05.07

Лавина горячего снега

Сигнальные огни полуглубоких жестов,
Смущенный полу-смех прибрежной пары губ...
За росписью небес в ароме в форме «крести»
Прозрачный полу-вдох отделился от пут.

Теперь батман безжалостным разрядом,
Ресницами ловить немую полу-дрожь,
И расплавляя дамбы стихийным нежным жаром
Врасти объятьями в родную полу-мощь.

И морем огненным играть в пару цунами,
Рубя секунды в дробь, а волны в мелкий дождь,
Тайфунами лететь, сплетаясь облаками,
Лавиной быть из снега brulant, chaud.

...

И перед словом «END» в дрожащем полу-мире
Застыло все, как в предрассветный век,
Под полной пустотой, под слоем звездной пыли
Застыла парочка мечтающих сердец.

10.08.07

На планете Юга

Букет белых роз на рояле,
Фужер «Бьянки» с утопшим «je crus»
Я вопрос просвистевший катаной
Никогда себе не прощу...

30.09.07

Неяблочное чувство больше не

Теперь в глазах твоих все меньше...
Теперь от слов рубцы гораздо...
А я в тени и стала меньше,...
Чем в дни, когда от мысли даже...

Но Он, ты знаешь, был намного...
И я тогда не зря конечно...
МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ... были словно...
Хотя и знали, что наврядли...

12.09.07

Необещанное

Никого как тогда больше чем 8 дней,
Сильней сотни сердец,
Больней тысячи ран...

Никогда всю себя,
Глубже самого дня,
Шире меридиан...

Раздеваю себя,
Гильотина-плечо...
Как его?
НИКОГО, НИКОГДА, НИ ЗА ЧТО!

16.11.07

О чем пила, за что сбегала в чашу

Я не боюсь теперь признаться,
Разбить намеренно фужер,
Что Одинокая волчица,
Ценить любовь не научившись,
Изнемогает от потерь.

Твоя душа как белая голубка,
Прощает раны от моих когтей.
А я сжимала челюсти – постой же на минутку!
Но ты ушла... к той, чья душа светлей.

Я знаю, любишь, помнишь, веришь,
Но не надейся, я не изменюсь,
Я просто отпущу,
Ударю смело в гонг,
И, хвост поджав, сбегу.

А ты не смей жалеть, пытаться все вернуть...
Я буду вновь кусать и снова делать больно...
Любить и помнить, но издалека.
Прощай, родная... ты меня спасла....

06.12.07

Укутавшись в белый флаг

Пожалей меня, псевдо-первый,
Нагруби и ежьай к жене.
Я сама с этим миром справлюсь,
Засыпая на новом плече.

Все равно ты не Он(мой крылатый),
Да и я не родная-она...
Я тогда не случайно любила,
Но сегодня случайно ушла.

Ты со мною жестоко игрался,
Я стреляла в себя без конца...
Крови не было.... Были печали -
Ты не сможешь им стать никогда..

19.11.07

О маленьких девочках, любящих боль

Движения по-круговой,
Диаметр кольца – 2 сердца.
(кр)ужиться.
У всех ведь вместо глаз бриллианты..
Осенняя листва, безумство, но янтарь.
Разжёвывать камни, бросать песчинки в море,
И быть с собой на ТЫ,
Давать советы мёртвым.
Банальность обзывать банальностью.
Шить на себе и зашивать в себя.
И навсегда забыть о слове, что течет по жилам.
Сжигать библиотеки (с криками «Банзай») –
Что снова закурить,
Кидая кирпичи в своё окно.
Или ножом на шее знак =равно=
Писать.себе.письмо.
И выпадать из мира си бимолем,
Стреляя нифпопат.
И падая учиться не искать уступы.
Уметь страдать красиво.
И рычать на жалость.
Забиваться в угол,
И кричать, но что б никто не слышал.
И плакать гордыми слезами.
Чего боишься – снова делать.
Где тонко снова рватьрватьрвать.
Ложиться в переплет и трогать своё тело,
Пускать в квартиру змей
И БОЛЬше никогда не пРОЛИвать
Абсент на мел...

24.11.07

Юность проснулась и снова ушла

Юность проснулась и снова ушла:
С сердцем в осколках и с кляпом в ушах.
Счастье развеялось, словно пыльца
Ветром по свету. Глазами слепца
Мир озираю: плывут, не задев
Чувства, проспекты, постройки задел,
Люди счастливые – только тоска
Вместе со мною. Её не искал.
Но навалилась она, как щитом
На побеждённую жертву. И звон
Нервный по жилам моим пробежал.
Юность проснулась, чтоб раз на всегда
В старость уйти, хоть была молода.
С телом не в ногу пошла – вразной,
юность в отставку ушла, на покой.

1960-1970 г.

Как упорно, порой даже дико

Как упорно, порой даже дико,
Независимый вид сохранить
Ты стремишься, и всё таки, тихо
Постепенно теряешь ты нить,
Тех законов, неписанных правил,
Что привычкою стали в тебе,
Тех законов, что в нашем уставе
Называются: «Я», «всё себе».

1960-1970 г.

Желание

Самое чистое, самое лучшее
Чувство мы можем сгубить.
Мы виноваты, что сами же мучаем
В ссорах друг друга. Любить

Нам уже некогда. Время свободное
Только страданьем полно:
Сколько же много в нас себяугодного –
Пропасть. А если бы дно

Пропасти этой приблизить сумели мы
(Но не отдельно, вдвоём)
Мы бы страданием время не мерили,
Счастье вошло бы в наш дом.

Так почему ж ты не хочешь навстречу мне
Выйти с открытой душой?
Выйди, и станет значительно легче нам –
Дерзость в нас станет другой.

Дерзость не в злобу, а в шутку оденется,
Ласковой будем и мы.
Личная гордость на общую сменится,
Дружбой мы будем сильны.

Самое чистое, самое лучшее
Чувство должны уберечь мы,
Чтобы оно не страдало от случая,
Выйдем друг к другу на встречу.

1960-1970 г.

Рыдай, твой эгоизм наказан

Рыдай, твой эгоизм наказан
Самим собой, как скорпион:
На свет дневной несёт заразу
В своём хвосте, чтобы потом
Убить себя. Безмозглый слон,
За что ты сердисься? Поступок
Твой был не следствием вина,
А следствием того, что глупо
Ты верил в: «Я», а не в – «ОНА».
А оказалось: ты такой же,
Ничем не отличим от тех,
Кого ты поднимал на смех –
Свиной с сивушно-пьяной рожей.

1960-1970 г.

Моя мечта

Я искал тебя, мечта, всегда,
Пусть была ты облачно-бесформенной,
Но меня влекла ты, как звезда
Моряка сквозь дебри шторма.

Ты пока томительно молчишь,
Словно парень робкий и влюблённый,
Но ты где-то рядом, нужно лишь
Мне узнать тебя среди скромным.

Я в мечту не девушку вписал,
Мне не быть и первым на Венере.
Я ещё мечту не отыскал,
Но во встречу с нею верю.

1960-1970 г.

Ни богом, ни чёртом, а человеком

Ни богом, ни чёртом, а человеком
Готовится это зелье –
Волочатся ноги еле-еле,
Не ноги – протезы калеки.
Арабы за тридцать столетий в прошлом
Придумали «спиритус-вини»
Затем ли, чтоб в наши века оглохшим
Валяться, где даже свиньи
Не будут барахтаться. Но не виновны
Арабы далёкой стари.
Арабы не пили, как мы пьём – тонны,
Арабы с вином мечтали
О звёздах, любви, о далёких странах,
О жизни в садах цветущих,
А мы, нализавшись, теряем пространство
И в мыслях, и в жизненной гуще.
Нальёшься, и как от «магнитной бури»,
Нарушена связь идеалов.
В башку лезет столько дури,
Какой и в сто лет не узнал бы.

Нет бога, нет чёрта, есть сам человек –
Хозяин своих побуждений.
Так что ж это он
В двадцатый век
Слабее тех поколений.

21 июля 1961 года

Чувства женщины

Мне не узнать, как не узнать и многим:
Какое чувство в женщине живёт.
Разбей до крови в переходах ноги,
Исколесив планеты всей дороги,
Не отгадаешь: что же в ней поёт?

Я знал её... Соседка, как соседка,
Ничем неотличима от других,
Похожа, как в рыбацкой сетке
Ячейки, на подруг своих...

Её любимый дрался за победу
Над общим гнусом – гитлеровской тьмой.
Но он погиб, провозглашая вето
Войне и крабу свастик над землёй.

В любви она осталась без надежды,
Второй любви нельзя и отыскать,
Но чувства материнства грудь ей режет –
Она же по природе мать.

Решилась: «Пусть соседи осуждают,
Пускай язвят: без мужа сын растёт.»
Он будет жить за то, что ей не дали
Любить, как нужно, в тот жестокий год.

И он растёт... Он вырастет, как тополь,
Весенней веткой, вбитый в твёрдый грунт,
Упрямо пробиваясь к жизни токам,
За то, что женщине любим погибший друг.

1960-1970 г.

Паршивый год; Жестокий, несуразный

Паршивый год; Жестокий, несуразный,
Разбрызганный на сотни грязных луж.
Мы потеряли в нём и образ свой и разум,
Приобретя, жестоких ветров груз.

Но он пройдёт, как восемь раз прошел он:
Год високосный, вздыбленный, как смерч.
Когда хотел я, чтобы хорошо тон
Настиг меня, как настагает смерть.

Она ушла. Со мной не посчиталась,
Разрушив сердобольный свой кинжал,
А в новый год она войдёт усталой,
Как смерть приходит, если ей нас жаль.

И может быть, год Новый обернётся,
Как «Дед Мороз», раскрашенной душой.
Быть может, он вдруг сердцем к нам вернётся,
Как человек за первую мечтой.

И может он, не в качестве подарка,
В сложнейшей несуразности любви
К нам принесет, как зверю в зоопарке,
Сквозь клетку грёз мечты, мой друг, свои.

29.12.1968 г.

Александр Лебедев

г. Санкт-Петербург, Россия

Уйдёт любовь - умру..

Спасёт любовь тебя в жару и холода...
Не верь клеветникам, от зависти советы
Те, что они давали нам с тобой тогда...
И ты, интуитивно, осознала это!

Верь сердцу своему, когда поёт в Любви.
Лови мгновения чудесные душою...
Меня лишь только слушай, прочих всех гони.
Вредны советы их! Я рядом, я с тобой!

Умчатся годы прочь, но будем мы вдвоём,
Как странники в пути, идти по жизни рядом...
Живу, пока любим в сознании твоём!
Уйдёт любовь - умру, лишь намекни мне взглядом!

Ты хотела узнать, почему вдруг уходит любовь...

Ты хотела узнать, почему вдруг уходит любовь?
Не влюблённость... Нет-нет! Тут понятна причина!
Почему не стучит так сердечко волнительно вновь,
Как тогда? Что случилось? Где прежний мужчина?

Отчего не влечёт, не волнует совсем баритон,
Тот, что раньше был самым желанным и милым?
Стал обычным, постылым, таким как у множества он!
Раздражает теперь своим тембром унылым...

Не скажу, ты не жди и никто не ответит тебе!
Знаю только, мы сами любовь разрушаем
Тем, что многих с советом ненужным пускаем к себе
И слова их за правду потом принимаем...

Ты себя понапрасну не мучай, любовь не гони,
А влюблённость пройдёт - удержать не пытайся!
Жизнь подарок дала, не стесняйся, смелее бери.
Будь счастливой в ЛЮБВИ и всегда улыбайся!

Нам знать, увы, не суждено...

Бывает жизнь бросает нас
В объятия, не спросив согласия!
Пусть поздно, но в подарок даст
Любовь и годы-годы счастья...

Непредсказуем сей каприз,
Она сама за нас решает...
Кому в Москву, кому в Париж?
И разведёт, и повенчает...

Встать не пытайся поперёк,
Мол, не приму судьбу такую.
Не посылай немой упрёк,
Что долю, ты хотел другую.

Нам знать, увы, не суждено,
Зачем так жизнь распорядилась,
Вдруг счастье ею вам дано,-
Любовь такая, что не снилась!

Офицерская доля

Да, мы выбрали долю такую,
Уезжали с насиженных мест.
И в Читу, и в деревню глухую,
Мы с собой увозили невест.

Пара домиков, богом забытых,
Пёс - Полкан на морозе скулит..
Глухомань при дорогах разбитых,
Да печурка теплом нас дарит.

Это всё, что дано нам Державой...
Да приказ - здесь усердно служить.
Офицеры... Не гнались за славой!
Не пристало с уютом им жить...

Годы пёстрою лентой промчали,
Наконец, вот, вернулись домой...
Где оркестры, что нас провожали?
Мы бомжами тут стали с тобой!

В наши годы начать всё сначала?
Очень грустный выходит ИТОГ.
Вспомни, как тогда мать причитала :
На кого ж покидаешь, сынок?"

Сами выбрали долю такую...
Жизнь прошла - ни кола, ни двора.
Натолкнулись на стену глухую,
Не в почёте теперь ордена...

Мой генерал

Лафет...Венки...Прощальный залп!
Взметнулось в небо вороньё...
В окрест звучит шабашный гвалт.
Ну, кто ещё...? Ну, кто ж ещё...?

Кругами, выше! Ввысь и ввысь!
Оттуда виден весь ПОГОСТ...
Вслед "звуки меди" донеслись,
Мотив знаком и очень прост...

Внизу, под ними, как всегда,
Стоит скорбящая "толпа",
Прощальных слов "течёт река",
Ещё литавры...и...пальба!!!

И я среди тех, кто не взлетел,
С тобой промчатся в "вышине"...
Бескрыл я стал и мой удел,
Как всем, проститься "на земле"!

Под горло ком - нет сил вдохнуть,
А слёзы...сами по щекам...
Воспоминая...Весь твой путь!
Воспоминаям волю дам...

Простой сибирский мальчуган,
Пошёл служить своей стране.
И в Уссурийске, в сорок первом,
Узнал о грянувшей ВОЙНЕ...

Прошёл войну по полной мере,
Паёк солдатский сам вкусил.
Был в Сталинграде, Курске, Вене!
Бойцов "в разведку" Ты водил...

И был для них "отцом и братом",
Берёг солдат, их всех любил.
Порой, под дулом автомата,
Сам "языка" к своим ташил.

Судьба тебя от пуль хранила,
Прошла ВОЙНА, итог таков,-
Твой "труд" Отчизна оценила,
Всего лишь в восемь орденов!

Не за награды вы радели
И не щадили ЖИВОТА.
Ну что же, право, в самом деле!
Ужель цена - то такова?

Года умчались, будто птицы,
И вот у гроба мы стоим...
Понуры плечи, серы лица...
Осиротели вмиг...Скорбим...

Оркестр ТЕБЕ сейчас играет,
Ты тут лежишь, но нет ТЕБЯ !
За нами сверху наблюдаешь
И улыбаешься...любя...

Уже ты ТАМ, тебя так ждали,
Где наш любимый командир?
Ты к ним ушёл и мы в печали,
Здесь только тело и мундир...

Мой генерал! Отец любимый!
Ты мой кумир и ты мой БОГ!
Когда и мой черёд наступит,
К тебе хочу я, в тот же ПОЛК!

Как чуден Петербург в июне

Как чуден Петербург в июне!
Закат над городом горит,
Но он погаснуть не успеет,
Сменить его рассвет спешит!

И ночь обиженно уходит,
Не дали ей вступить в права!
Вновь в небе солнышко сияет
И златом блещут купола!

Проводы зимы

Хороводы приутихли, съедены уже блины,
Мы сегодня завершили проводы седой ЗИМЫ.
Всюду ряженные люди и веселью нет конца,
Разливаются частушки от Петрушки-молодца.

Проводы Зимы! Веселье! Колобродит и бурлит!
Ждать не долго остаётся, к нам уже Весна спешит.
Может быть, через неделю прилетят сюда грачи,
Солнышко им снег растопит, дружно побегут ручьи.

И начнётся оживленье всей природы и зверья,
Это точно состоится, заверяю вас, друзья!
Много лет я наблюдаю этот сказочный процесс,
Как Весна в права вступает и Зимы запасы ест.

Мне надоело быть приличным семьянином!

Мне надоело быть приличным семьянином!
Хочу в загул я с дружбаном своим махнуть.
Он холостяк, мы с ним отметим именины,
А после сможем к куртизанкам заглянуть.....

Сперва в кабак, да со стриптизом непременно,
Затем мы в баньку, с пивом, париться пойдём,
Ну, а потом затянем ПЕСНЬ одновременно...
И "Про БУХГАЛТЕРА", любимую, споём.

Так сладок в марте дух свободы вожделенной,
Всё хорошо, в жизнь воплощаются мечты...
Идём, орём, да так, что слышно всей вселенной,
Прочь разбегаются и кошки, и коты...

Люблю я МАРТ! Его я очень обожаю...
Весенний воздух разрывает мою грудь
И с удовольствием "хвостатых" я шугаю,
Пусть знают, в марте и "двуногие" орут!

.улей.

Ходите, вы мелькать привыкли, как
я привыкла видеть, как мелькают
фигуры ваши на доске, что свыше
освещена и ночью даже, мой голос,
покрывая, шепот слышно
с такими стенами, как наши.

Пройдусь. Отчасти стану частью
процесса – «разбивать на соты».
С вопросом на засыпку: «кто ты?»,
рука уверенней сомкнётся в дулю.
«Себя, принцесса, пчёлкой вы зовёте?
...такой несимметричный улей...»

Забудьте и бегите по дороге:
«Я вспомнила, что округлился трюфель,
цена к нему опять расширит форму.
Ходить так дорого - сменила пару туфель»
(09.05.2006)

.едва.

И рухнув на постель, в бессилье,
пропитанной, соцветьем трав,
была оттенена эпитрахилей,
склонённых надо мною глав.

[Взгляни, снежок – подобие саркомы,]
[ребёнком сотканный из снежной ткани.]
[Мне б удалось самой выйти из комы,]
[но лишь подобно воздуху в органе]

Заслышав звон по обе стороны,
дрожь охватила от натуги тело,
Как будто «лотос крайнего предела»
едва коснулся, мертвенной струны.

[Седой сугроб подобно саркофагу,]
[хранит внутри мудрейшие законы.]
[Из всех – ему я отдала бы влагу.]
[Взгляни! Лицо моё – подобие иконы.]

.к анне.

Они стучались, звали: «Где была?
Неужто ли топилась в ванне!?!»
Нееееет, я всплыла, всплыла
с обдуманной запиской к Анне:

...«малыш, ты слишком жадный ученик.
...ты слишком впитываешь быстро,
...не замечая, что истощный крик
...затих от удушения Магистра»

Они трясли, трясли меня нелепо:
«Закреть забыла воду в кране!?!».
Нееееет, не забыла, просто слепо
спешила я с запиской к Анне:

...«малыш, пойми, ты слишком человек.
...спешишь убрать, не перестав смеяться
...свои ладошки от промокших век.
...Магистр учил взлетать, а не брыкаться»

Они меня ругали, плакали, жалели,
искали даже мою совесть в «грамме».
Нашли!? Не знаю, я ведь еле-еле
не позабыла всю записку к Анне:

...«малыш, пойми, мне трудно за троих
...жизнь проживать, играя при okazji –
...в его самолюбь от комплексов твоих.
...Теряя своё Я в своей фантазии.

Они с ума сходили. Стали даже бредить,
всё спрашивая: «что же было ранее?»
а ранее было...как же вам ответить!?! -
«Всё то, что было до записки к Анне».

10.12.06

.с усмешкой на устах и с хрипом в горле.

Как будто с улицы бездомного котёнка
я в дом свой заносила тот упрёк,
что так игриво плавал между строк,
как руки матери по волосам ребёнка.

С усмешкой на устах и с хрипом в горле
я принимала междустрочия рок.
Как в глиняном горшке возрастал цветок –
упрёк тот креп во мне, пуская корни.

И ненавязчивые звуки из окон
служили фоном в нашем тесном мире,
который мы пытались сделать шире,
забыв противодействия закон.

14.01.2007

.рапан.

Там отшлифовано-прозрачный гравий,
Там отшлифовано-прозрачный камень
И липко-липко – поскользнуться на носках.
Мне шепчут тихо в ушко слово «Амен»
От тесноты-простора Каин, Авель
Когда несу в «пятифаланговых» тисках.

10.03.2007

.осенью.

Осенью «кесарит» утро
сизая лёгкость мазка,
плавной морщинкой в нутро
радужного «глазка».

Втиснуться в строгие кисти,
силиться хрупкий овал –
бледный в пунцовые листья –
хоть бы окольцевал.

10.03.2007

.кара/мель.

С этой весной в ползунках
играю отчаянно в прятки.
Её же промокшие пятки
скользят на оконных листах.

Сестричка больничные карты
разложит, как в пасьянс.
Привычно-дежурное «как ты?»
дежурно приводит в транс.

По лестничным позвоночкам,
стирая за мной следы,
стекает весна в ползуночках
вдогонку журча: «как ты?».

30.03.2007

.так давай.

да ты посмотри, как кружит
косые проборы дней.
водовороты кружев
прокипяти и пей.
попробуй, прости-ка, ну же
Монмартр или Мулен-Руж –
сначала врываюсь в души,
затем прорываюсь в душ...

01.07.2007

.маргаритка.

без особого образования
распальцовывал на байяне я.
ни те клубок обаяния,
ни те комок обольщения.

глядь, Маргарита Кошечкина
всё ускоряет вращение.
глядь, ударами бойкими,
глядь, о кафель набойками.

из-за неё ж мордобоями
страдают, вон, рядом с обоями.
она ж вертихвостит с обоими,
не ну не дура ли, гля!?

без всякого там этикету
летела она по паркету -
замяла немножко эту,
подмяла немножко ту...

...

“маргарита, простите прощения!
ваше голо-попа-вращение
есть бесформенное извращение
не ну не дура ли, гля!?”

21.08.07

.без рамок.

я выхожу из рамок вновь,
мне слишком тесно в раме.
не отцветающий цветок,
не распускался в мае.

свернулся луковицей день
и развернулся слёзно.
за тенью тень, за тенью тень,
за тенью тело грозно.

привстал политиком сверчок
и «просверчал» мне оду.
и кот упёршись на бочок
«отулыбал» Джоконду.

21.10.2007

.ускользая.

1,2

Тень агатом на мраморный пол
упадёт и закатится в угол,
светом меркнувшим тает узор
этих черт, высыхающих в уголь.

Отняв взор, ты шепнул, как вода,
свой секрет пубЛИкует на глади –
«восковёют» ладони, когда
проникают в янтарные пряди.

2,1

Плоскость мрамора греет стопа,
не вбирая тепло от гранита.
Отнимай, отними от раба
То в чем рабства блаженство сокрыто.

3,4

Звучком полон и им «вседержим»,
движим каждым волнением ила.
«Обонявшись» болотистый дым,
тяжесть обнял, объятье открыло:

5

Вот теперь я один на один.
Был на дне ли, «взбираясь» в высь ли!?
На один я один. Вот теперь
Быть с тобою мешают лишь мысли...

30.10.07

.о Вечном.

старейшего сыра червивей,
черствее твердейшего хлеба,
пафосно мысля о Вечном,
шторами кутают небо.

да я же такая же точно
с каждым рассветом зверею.
ну что просветлели, как ливер,
сбиваясь всё выше на рею!?

да, на кол вас, на кол нас надо,
сидящих в маршруте конечном.
мусолят ручёнки «наличник»,
чтоб лучше мусолить о Вечном.

07.11.07

.именинник.

Скованных, склеенных «мимик»
полон собравшийся зал.
«Здесь я один именинник!» –
Воланд мне в письмах писал:

«Этот ваш «гадкий утёнок»
нафарширован ванилью.
хоть не дожарен и тонок,
выслан на остров к Василию.
Вашу вот «серую шейку»
как-то на днях просмотрел.
С злостью одну белошвейку
тюкнул и муж овдовел.
Рассыпались лобные дольки
от сказочных зайцев и лис.
Княгине – крестителю Ольге
готовлю горячий сюрприз».

Праздничной свечкою вял
тополь в российских дворах.
Воланд мне письма вял
На Патриарших прудах.

08.11.07

Надежда Смаглий

г. Волгодонск, Ростовской обл., Россия

Как медведи встречали Новый Год

На белых медведей напала хандра...
- А, может, на юг нам поехать пора? -
Спросил медвежонок Большого медведя.
- Ну, что же поедem... Конечно, поедem!
- На море?
- На море.
- Ура! Так вперед -
Мы будем у моря встречать Новый Год!
И быстро медведи собрали котомки:
Панама, зонты, не забыли шезлонги
И множество нужных для моря вещей.
Торопит малютка:
- Скорее, скорей!
- Малыш, не спеши, ни к чему торопиться!
На быстрых санях мы с тобою помчимся
К загадочной, чудной, волшебной стране.
Ты просто поспи, мы успеем вполне.
Мишутка Большого медведя послушал -
Он лапой мохнатой прикрыл свои уши,
Улёгся в санях и... конечно, заснул.
Проснулся и глазки протёр, и моргнул...
Вокруг белоснежный ковёр из снежинок,
На праздничных ёлочках множество льдинок,
Они серебрятся и словно поют:
- До Но-во-го Го-да все-го пять ми-нут...
Где теплое море? - спросил он медведя.
- Я думал мы в лето с тобою приедem,
А здесь... как на нашем родном берегу!
- Послушай, малыш, как поют на бегу
Волна за волною - им холод не страшен,
Нельзя это море и сравнивать с нашим!
Давай посидим на крутом берегу -
Забудешь про холод, метель и пургу!
И сели медведи, прижались друг к другу,
И солнце их грело сквозь белую вьюгу,
Снежинки, касаясь бегущей волны,
Им пели чудесную песню весны.
И жарко, и весело было Мишутке,
И, словно снежинки, летели минутки.
И вот, наконец, настаёт... настаёт...
Ну, здравствуй, чудесный малыш - Новый Год!

Близнецы

Мы с братом Васькой близнецы,
По гороскопу мы - весы,
И знает вся округа,
Что стоим мы друг друга.

Мы ходим с братом в первый класс,
И одинаковы у нас
Костюмы, ранцы, куртки -
Ну, как тут нас не путать?

Вот Ваську вызвали к доске,
А он стоит - ни - бе, ни - ме...
Пример решить не может,
Но, брат всегда поможет!

Шепчу ему:
- Здесь будет пять!
А Васька:
- Можешь подсказать?
Сержусь:
- Да, пять! Не слышишь?
Ох, что ты снова пишешь!

А Васька:
- Повтори, прошуууу...
Я цифру в воздухе пишу.
- Пятёрка здесь! Ты понял?
Весь класс от смеха стонет!

Учитель наш несправедлив -
Оценка снова - на двоих!
Смеются в классе дети:
- Ха-ха - близняшки эти!

Зато, когда идём гулять,
Никто не смеет обижать!
И знают все ребята,
Что брат - горой за брата!

Отпор любому мы дадим -
Спиной к спине всегда стоим!
И шепчут те же дети:
- Ох, уж близняшки эти...

Мы с братом Васькой близнецы,
По гороскопу мы - весы.
Друг другу мы поможем,
А надо - силы сложим!

Мама, я и Много Дел

Говорит мне мама:

- Спать.
- Может...
- Некогда читать.
- Может...
- Много ещё дел!
- Может...
- Нет!
- А я хотел...
- Спи.

Ложусь в свою кровать,

Говорю:

- Ну, спать, так спать!
- Час лежу, второй лежу...
Завтра маме всё скажу!

... Расплывается стена -

Я шепчу:

- Мне не до сна...
- Не могу сегодня спать...
Только что это? Кровать
Покачнулась и летит -
Я теперь уже джигит,
А кровать - мой быстрый конь,
И в глазах его огонь!
А на мне кольчуга, шлем,
И не страшно нам совсем!
Я силён, отважен, смел -
Разобьём мы - Много Дел!
Чтобы мамочка могла,
Бросив все свои дела,
На ночь сказку почитать,
Днём со мною погулять.

Враг коварен и силён,
Бьётся насмерть с нами он,
Но мой конь вперёд летит -
МногоДел - ура! - разбит!

... Я открыл глаза.

- Малыш,
- Как ты утром долго спишь!
Бросим все свои дела -
В зоопарк идём с утра!

Мы с другом Серёжкой...

Мы с другом Серёжкой однажды решили -
Довольно сидеть и скучать нам в квартире!

Мы можем поехать на северный полюс,
Где льдины большие, и снега - по пояс!!!

- Решили?

- Решили!

Ну, что же тут думать?

И вот на полу уже множество сумок.

В них - папина шапка, шарфы, рукавички,

Носки шерстяные, конфеты и спички.

Фломастеры, краски, две банки варенья,

Альбом, шоколад и, конечно, печенье.

Матрас надувной и насос на подставке,

- Ах, да!.. Не забыть бы круги нам и плавки -

В воде ледяной закаляться мы можем!

Берём пару кружек и ножик, и ложки,

В аптечке - бинты и зелёнку, и вату -

Вдруг будем на льдине кататься и падать?

И множество нужных вещей и полезных

Мы в сумки сложили...

- Поедем? Железно!

Вдруг двери открылись и мама заходит:

- Куда вы собрались? На северный полюс?

Как мама могла обо всём догадаться,

Мы только успели с Серёжкой собраться,

А тайная наша поездка открыта...

И как же теперь не вздыхать, не грустить нам?

Но тут прошептал мне Серёжка:

- Послушай,

Мне кажется, полюс бывает и южный!

Обезьянка по имени Янка

Обезьянка по имени Янка

Рассмешила друзей спозаранку -

Мыла с мылом глаза, нос и уши,

Чтобы видеть и нюхать, и слушать!

А потом, покачавшись на ветке,

Вдруг спросила серьёзно соседку:

- Вот скажи, обезьяна-подружка,

Для чего нам с тобою - макушка?

И не видит она, и не слышит,

Не смеётся, и даже не дышит!

И задумалась тоже подружка -

Почесала живот и... макушку!

Рассмеялась над ней обезьянка,

Обезьянка по имени Янка:

- Поняла! Чтобы думать макушка!

Значит так же важна, как и ушко.

Трудная задача

Папа с сыночком решали задачу -
Сколько продуктов везти им на дачу?
Сахар, конфеты, сметану, пирог
И макароны, и сыр, и творог,
Мясо для Жучки и рыбу для кошки,
Семечек для попугая немножко,
Воду в бутылках, в канистрах бензин...
Как же все это в машину грузить?
Но погрузили, хоть было не просто,
Только машина уменьшилась в росте!
Мама смеётся:
- Не проще ли вам,
Чтоб не трещала машина по швам,
Овощи, фрукты покушать на даче?
Или для вас это тоже задача?
Папа смущённо кивает в ответ:
- Овощи, фрукты - сомнения нет
Вкусные очень, но только задача -
Как это всё увезти нам на дачу?

Заглянула луна в окошко...

Заглянула луна в окошко,
Потянулась лениво кошка,
Осторожно ступает дрёма -
Сны разносит она по дому.
Спят игрушки в твоей кровати -
Медвежата на мягких лапках,
Куклы, зайчики и лисёнок.
Спит давно озорной котёнок.

Закрывай поскорее глазки -
Ждут тебя чудеса и сказки.
Сон расправит над миром крылья,
И сплетается небыль с былью -
Снова ты над родной планетой
В серебристой летишь ракете,
Осыпая волшебный иней
Со звезды золотисто-синей.

Улыбнулась луна в окошке -
Лучик тронул слегка ладошки,
Пробежал по твоим ресницам,
Ах, как сладко в кровати спится!
Рядом плюшевые игрушки
Разметались по всей подушке.
Пусть хранит твои сны, малышка,
Добрый эльф из волшебной книжки.

Мышки, крошки, воробей...

Две глупенькие мышки
Просили воробьишку,
Просили воробьишку
Три крошки поделить...

- Вы - глупые мышата,
Делить совсем не надо!
Возьму себе в награду
Три крошки. Так и быть!

И он склевал все крошки
По-ко-вы-лял к сторожке,
И... вдруг увидел кошку...
Но в небесах парить

Не может воробьишко -
Тяжёлым стал плутишка...
- Теперь мне точно - крышка!
Ну, как тут не грустить?

И рассмеялись мышки
Над глупеньким воришкой:
- Три крошки - это слишком,
Не надо жадным быть!

Но мы тебе поможем,
Ведь дружба - всех дороже!
Беги под наш порожек -
Он может всех укрыть!

Сорняки

Сказала мама Поле:
- Давай с тобой прополем
Хотя бы грядки с луком,
Редиску и горох.

Но только Поле - горе,
Полоть не хочет Поля!
- Ну, что это за скука...
Вздыхает Поля:
- Ох...

Пускай растут травинки,
Травиночки - былинки,
Среди редиски с луком
И в грядках, где горох.

Смотрите сколько места,
Им веселее вместе!
Зачем такая мука?
Вздыхнула мама:
- Ох...

Любопытный лисёнок

У лисёнка рыжий хвостик,
Любопытные глаза.
Вот за речку через мостик
Полетела стрекоза!

Он за ней, а в речке рыбка!
Тоже хвостик, плавники.
Вот бы речку переплыть с ней!
Только смотрит - рыбаки

Раскидали всюду сети.
Как же рыбка проплывёт?
Или, может, до рассвета
Под корягой переждёт?

А за мостиком - огромный,
На полнеба, круглый шар!
И лисёнок возмущённо...
- Кто развёл в лесу пожар?

Это солнышко, лисёнок!
Рассмеялась стрекоза.
- Это солнце? - удивлённо
Смотрит он на небеса,

- Так бежим, бежим скорее,
Мы должны ему помочь!
Провисело на деревьях,
Солнце бедное всю ночь!

Стрекоза над ним смеётся,
- Солнце ночью просто спит,
А когда оно проснётся,
То по небу полетит.

Полетит оно по небу?
Так бежим за ним скорей!
Только... что это краснеет
Вдалеке, у самых пней?

Это просто мухоморы?
А по речке кто плывёт?
А за этим косогором,
На полянке, кто живёт?

И бежит лисёнок смело
По дорожке, вдоль ручья...
Не простое это дело
Обо всём узнать, друзья!

В зоопарке

В зоопарке юный слон
Испугался трех ворон.
Затрубил:
Попал в бедуу!!!
Помогите! Пропаду!
Три ужасных, черных птицы
Налетели на еду!

Ты чего кричишь, гора?
У тебя же два ведра!
А мы три голодных птицы,
Кушать нам давно пора!

Только слон трубит - Скорей!
Он зовет своих друзей.
А вороны - карр, карр, карр!
Посмотрите - вот нахал!
Ну, покушали немного...
И к чему такой скандал?

Лужа и лучик

Я шагаю смело в лужу,
Папа очень удивлён,
Говорит:
- Ведь ты простужен!
Как понять не может он -

В эту лужу, прямо с крыши,
Прыгнул лучик золотой!
Он, как солнце, ярко-рыжий,
И такой смешной-смешной!

Где он прячется? За тучки
Те, что плавают в воде?
Может быть ему там лучше?
Только... нет его нигде!

Я шагнул поглубже в лужу -
Может, там его найду?
Я нисколечко не трушу
И бреду по ней, бреду...

- Не найти мне рыжий лучик...
От досады топнул я,
Вдруг из лужи... Да, из лужи!
Полетели на меня,

Засверкали, заискрились
Сотни солнечных лучей!
Только... как же получилось,
Что я стал ещё грязней?

А один смешливый лучик
Мне на ушко соскользнул,
- Так тебе ещё и лучше!
Прошептал и... утонул!

Но скажу вам по секрету,
Хоть и спрятался опять
Золотистый лучик этот,
Знаю, как его искать!

Два мышонка

Два мышонка спозаранку
Веселились на полянке.
Им трава - как лес густой,
Можно прятаться...
- Постой!
Говорит один мышонок,
- Как ты думаешь - лисёнок
Нам не встретится в лесу?
- Я тогда тебя спасу!
Говорит второй мышонок,
- Хватит у меня силёнок!
Несмотря на малый рост,
Я, дружок, совсем не прост!

Что лисёнок? Хоть котище!
Я вцеплюсь в его хвостище,
Да хоть сам силач - медведь
На весь лес начнёт реветь!
- Не кричи ты, тише! Тише...
Здесь так громко кто-то дышит!
- Ой, бежим скорей, бежим!
Страшно встретиться же с Ним!

Смотрит кроха - муравьишка,
Что тащил большую шишку -
Два мышонка в норку - шмыг,
И от страха: пи - пи, пик...

У зайчишки - шалунишки

У зайчишки - шалунишки
В ранце: мел, тетрадки, шишки,
Карандаш, альбом, стрела,
Камень, ножницы, игла,
Лист капустный и морковь,
Даже гвоздик и верёвка!

Вроде в школу всё собрал
Зайка - шалунишка,
Не вошли только: пенал,
Азбука и книжка.

Наталья Уланова

г. Баку, Азербайджан

Данька Кисточкин

На краю леса, в скромной избушке жил серый заяц - Данька Кисточкин. Соседей не обижал и себя в обиду не давал. Звери его в округе уважали и даже заботились по мере возможности. То собаки лохматые забегают языками почесать, так яблок ему от хозяйки принесут. Если волк на чай с баранками забредет, то капусты из деревни обязательно захватит. А уж если медведь за новым бочонком пожалует, то несет с собой бутылочку медовухи и соты медовые нарежет. Иногда заходил Петушок Золотой Гребешок косу поточить. Так у него за плечами всегда мешочек с зерном и краюха хлеба для зайца припасены.

Вот так и жил зайчик, не тужил. Морковку с картошкой сам сажал, да в лес по грибы-ягоды и дровами запастись иногда хаживал.

Ещё зимой Михайло Потапыч притащил ему срубленное кем-то в лесу и брошенное деревце, зная, что у мастерового зайца ничего в хозяйстве не пропадет.

Вот по весне и решил Данька Кисточкин смастерить уютную лавочку, да поставить её во дворе у крыльца.

Утирая пот со лба, немилосердно распиливал он молодую осинку.

Затеял Данька это дело еще вчера. Но вот для чего ему лавочка, он тогда еще и сам не знал. Взбрела мысль в беспокойную голову и не отпускала никак.

Ночью же, в поистине волшебном сне увидел Данька, как тёплым летним вечерком сидит на этой самой лавочке с симпатичной зайчихой и нежно обнимает её за плечико. А та в декольтированном платье до самых пят, с оголенной пушистой спинкой: красивая-я-я-я ...

Подгоняемый этим прекрасным видением, Данька ранним утром вскочил с лежанки, умылся наскоро и, на ходу перехватив морковку, спешил побыстрее закончить начатое дело.

Работа спорилась.

Данька время от времени отходил в сторонку и, любуясь результатом, довольно потирал лапки. А когда взялся прилаживать сложную досочку, так краем глаза приметил, что к нему на забор прилетела сорока Зина и застрекотала-застрекотала что-то быстрое и невразумительное...

- Слушай, Зин, помедленнее, - попросил Данька свою непрошеную гостью и почему-то с трудом разогнул спину. - Что стряслось-

то?

- С-с-стрррр-ашное стрррряс-с-слось! Пора, з-з-заяц, тебе новый дом ис-с-скать!

- Да что за глупости ты с утра порешь? Зачем мне новый дом, когда вот он, мой - какой ладный - стоит, - Данька довольно оглянулся на свое вполне целое и сверкающее новой краской жилище.

- С-с-старрррая инфорррмация! Книжек не читаешь! С-с-сррразу видно. С-с-сейчас белок тебе пррришлю, они тебе с-с-сказку почитают.

- Белки... Я что, сам читать не умею? - насупился Данька. - И вообще, не до сказок мне сейчас. Не видишь, некогда мне! Лети, давай, по своим стрекочущим делам. Не мешай, когда мужчина работает.

- Я-то полечу, но с-с-сказку пррро с-с-себя и лису ты напрррас-с-сно не читал!

- Про лису и кого? Я не ослышался? И про меня? Ну, ты, Зина, не иначе, как гороха объелась... Забыла, что я с лисами не вожусь? Это мой дед, ты знаешь, - Данька усмехнулся, - от одной всю жизнь бегал, так у них там какая-то редкая любовь получилась. Забыл, как она там в умных книжках сейчас называется... Но это особый случай, исключение. А я реалист толстокожий. Я в такие игры не играю и в сказки не верю. Я вот женюсь скоро... Может быть...

- Вот это извес-с-ствие! - сорока аж клюв от удивления приоткрыла. Но, быстренько совладав с собой, застрекотала в прежнем невразумительном темпе: - А на ком ты, Кисточкин, женишься? Почему я не знаю?

Заяц растерянно почесал загривок. Он сам удивился, как такое могло слететь с его уст. Но слово не воробей... А у сороки слух хороший. Вон как она вся сразу напряглась и сосредоточилась.

- Ну, напушилась, напушилась... Ну, сказал... Подумаешь... Сам пока не знаю на ком... Ну, на зайчихе какой-нибудь, разумеется. Не на лисе же вашей. А, кстати, что там всё-таки про неё и меня?..

- А-а-а, интерррес-с-сно с-с-стало, - сорока самодовольно выпятила грудь и расправила крылья. - Так теперь мне некогда! С-с-совс-с-сем одичал. Даму пррринять как следует не может. В дом не пррриглас-с-с-сил, на з-з-заборрре с-с-сiju... Полетела я. Надо же заячьим мамашам новос-с-сть на хвос-с-сте принести. Пус-с-сть дочек и приданое начинают готовить. А то у нас такой хлопец подос-с-спел.

- Ладно, ладно, хватит, Зин, язвить. Мы же друзья. Лучше пока никому ничего не говори. Или скажи там...этим, как их...белкам, пусть книжку занесут. Заинтересовала ты меня, старая.

Сорока скосила на зайца глаз, протрещала что-то возмущенное и улетела.

А Данька стоял какой-то растерянный, растревоженный, не понимая причины такого вот состояния, интуитивно чувствуя, что скоро с ним приключится что-то хорошее. Даже, наверное...очень хорошее.

Он пошевелил ушами, поправил усы, пощупал - на месте ли его хвост-кисточка, побарабанил немного по березовому пеньку и запрыгал себе по двору. То есть, проделал всё то, с чего начинался его обычный день. Ничего вроде не предвещало перемен... Но состояние ожидания его уже не покидало. Махнув на себя лапкой, он решил, что хватит уже витать в облаках, а лучше вновь заняться лавочкой. Всё-таки с неё начал меняться его привычный жизненный уклад.

Сразу же, как только Данька погрузился в работу, пришли белки и принесли ему книжку. Они терпеливо подождали, когда он закончит стучать молотком...

Но Данька, погруженный в свои грёзы, блаженно улыбаясь в усы, никого не видел, не слышал. Он работал. Работал на своё будущее счастье. А тут уж никому не достучаться. Извините...

Белки постояли, постояли, посоветовались, затем оставили книжку с закладкой на нужной странице на крылечке и удрали собирать шишки. Но одна вдруг вернулась, достала из кармашка несколько лесных орешков и оставила их ему на обложке. А на осиновой коре нацарапала угольком "на подарение".

Солнце уже стояло в зените, когда Данька перестал, наконец, колдовать над своей лавочкой. Он отошел в сторону, любуясь результатом.

Лавочка действительно удалась на славу. Стояла себе под окошком этакой скромной красавицей. У зайца аж дух перехватило. Он устало прикрыл глаза и вновь увидел себя в обнимку с пригрезившейся ему обнаженной дамой.

Но Данька тут же взял себя и свои чувства в руки, сердито отогнал так не вовремя явившееся ему назойливое видение прочь, поправил усы, вытряхнул из них мелкие стружки и опилки, подмёл двор, убрал инструменты и умылся. И только после этого позволил себе присесть на лавочку. Это было блаженство...

Данька откинулся на спинку, вытянул лапки и подставил пузико ласковому солнышку. Он почему-то твердо решил, что как только закроет глаза, ему снова приснится она...

Едва смежив веки, он тут же уснул, и ему на самом деле приснился сон.

В его сне по небу летела сорока Зина и трескучим голосом прям таки вопила:

- Книжки читать надо! Книжки читать надо! С-с-стыд! С-с-срррам!
Данька аж подпрыгнул, и, не открывая глаз, погрозил ей кулаком.
- Ах ты, чертовка! Поймаю, весь хвост выдеру!

Сон никак не шел, и поэтому Данька открыл глаза, завертел по сторонам головой, не сразу сообразив, где находится. Осмотревшись, он смутился, но, быстро поняв, что никто его не видел, успокоился и с любовью погладил лавочку, затем встал и еще раз осмотрел её со стороны.

Ему так хотелось, чтобы кто-то зашёл к нему сегодня...

Так хотелось похвастаться своей деревянной красавицей. Да и если бы похвалил кто - это тоже совсем не было б лишним...

И тут он вспомнил, что должны были зайти белки, но, заметив на крыльце книжку, понял, что они уже были...

"Как-то я не так сегодня гостей встречаю. Вот стыдоба-то, а?.." - расстроился Данька.

"Сороку на заборе продержал, белок не заметил..." - он ухватил книжку за её край, потянул и нечаянно рассыпал орешки.

Пока собирал их, увидел записку и, совершенно расчувствовавшись, выронил книжку. Ладно, не беда, жаль только с нужной странички выпала закладка.

"Ох, откуда же мне теперь читать?" - Данька расстроился окончательно.

Он присел на крыльце, грустно полистал красочные картинки, прочитал надпись под одной из них, затем под другой и понемногу начал читать.

Первой ему на глаза попала сказка "Лиса и Волк".

Он читал и смеялся над проделками хитрой лисы, и даже немного жалел волка, оставшегося без хвоста...

"Надо же, а наш Серый никогда об этом не вспоминает, наверно стесняется..."

Следом шли сказки "Лиса и Медведь", "Лиса и Кот", "Лиса и Журавль".

Много нового и интересного узнал Данька.

"Эх, даже Потапычу, оказывается, от неё досталось... Надо же... Так, значит, Лиса сейчас замужем за Котом. Так чего же ей от меня нужно?.."

Он пролистал книжку дальше и, действительно, увидел там вроде бы даже себя, а может и вовсе не себя...

Глаза у уставшего Даньки стали слипаться.

Он заложил закладку, захлопнул книжку и пообещал себе прочесть её как-нибудь потом, не сейчас... Едва зайчишка добрал до

лежанки и успел улечься поудобнее, как тут же уснул.

Проснулся он от сорочьей стрекотни.

"Так... активность этой особы уже начинает порядком надоедать. Это же надо, второй раз на дню снится... Или, уже не снится?"

Поняв, что выспаться у него так и не получится, Данька потянулся, махнул лапкой, да побрел себе вразвалочку к окну: надо было всё же узнать, что этой настырной бестии от него нужно в этот раз. Но пока Данька шел, услышал чьи-то тихие всхлипывания.

На лавочке, скромно подобрав роскошный хвост, сидела Лиса и тихо плакала, как самая настоящая получившая "неуд" девчонка-отличница.

Сорока же, завидев зайца, тут же сорвалась с забора и улетела так быстро, как будто бы и не было её здесь никогда. Лиса было привстала, но приметив в окне зайца, прижимая лапками потёртый чемодан, села обратно.

Тем временем в этом лесу самый главный его вождь и хозяин - Медведь - собрал Совет. Вот туда-то и спешила сорока: известить всех, что Лиса уже на месте, а значит: представление начинается.

Услыхав эту новость, звери заволновались и заохали. Все начали дружно жалеть зайца и всем сердцем ему сочувствовать. Вот так, вдруг, оказаться на улице, мало кому понравится. Сказку-то читали все, и сюжетная линия её была известна заранее. Первыми на выручку должны были пуститься собаки, но Медведь решил еще раз испытать судьбу и удостовериться, что книжки не врут. Провели голосование. Идти выпало собакам.

Не врали книжки... Ой, не врали!

"Однако", - подумал Медведь и напутствовал собак такими словами:

- Сильно там не гавкайте, не баламутьте народ почем зря. Действуйте спокойно и без паники. Хватайте зайца подмышки и сюда - к нам. Мы его тут встретим да обогреем, а потом утешим да приголубим. И утро вечера мудренее. А потом, выкурим гадкую плутовку из чужой избы, как пить дать выкурим. Впрочем, чего это я про выпить и про выкурить? Наверно, к слову пришлось! Бегите, короче, зайца выручайте!!!

Собаки речь выслушали, спорить особо не стали, взмахнули хвостами и помчались наперегонки к зайцу-бедолаге, а оставшиеся звери провожали их, как героев-первопроходцев.

Волчица даже всплакнула. Волк незаметно подал ей платок, а про себя порадовался сердечности своей милой подруги.

Медведь же наказал соорудить в своей берлоге еще одно спальное место для зайца, и лично проконтролировал исполнение.

Всё шло по плану.

Тем временем на только что сделанной зайцем лавочке, пряча в лапках заплаканную мордочку, сидела смущенная Лиса.

Данька, немного растерявшийся Данька, всё также торчал в окне, не представляя, что же ему делать дальше. А сердечко его, постукивая и побрякивая (как ему почему-то казалось), болталось в его груди из стороны в сторону.

Данька даже придержал его лапками. На всякий случай.

Лиса же, сглотив вдруг пересохшим горлом так и не проступившую люну, всё готовилась и готовилась произнести Даньке заготовленную ею речь о какой-то там ледяной избушке. Причём, она откуда-то знала, что делать это надо жалобным голосочком. Но как она ни силилась вспомнить нужные слова, в голове было пусто, гулко и очень волнительно.

А тут как раз и Данька вспомнил, что уже дважды на дню был невежлив с гостями. И если проделает это и в третий раз, то прославится на весь честной лес. Улетевшая сорока постарается. За ней не заржавеет. "Впрочем, чему там, в сороке-то ржаветь?" - задумался Данька.

Его, правда, покорило, что совершенно незнакомая лисица без спроса уселась на его новую лавочку. Но ведь он сам не так давно пожелал, чтобы к нему кто-то зашел. Вот и нагадал себе...рыжую гостью...

- Извините, уважаемая, а как Вас зовут?

Лиса подняла на него глаза, и Данька подумал, что если бы не подоконник, за который он так вовремя уцепился, точно грохнулся бы на пол.

- Ася...

- Ася... Странное для лисы имя... Ну, проходите, Ася, в дом. Будьте моей гостьей...

Его вежливый тон Лисе явно понравился, впрочем Данька и сам обалдел от собственной вежливости.

Нежданная гостья поднялась с лавочки, явно колеблясь, брать ей чемодан в дом или оставить на улице. Она то хватала его за ручку, то ставила обратно на землю.

Данька к этому времени уже вышел на крыльцо и, заметив лисье смятение, поспешно сбежал по ступенькам, легко подхватил чемодан и прошёл с ним в дом.

И уже там, анализируя этот несомненно чрезмерный порыв и раздумывая куда же ему пристроить лисью поклажу, удивился своему

гостеприимству.

- Уважаемый Заяц, а где у Вас можно умыться и воды попить? - Лиса стояла на пороге и смотрела на Даньку совершенно бездонными глазами, полными благодарности, густо приправленной явно проступившими слёзками.

В который раз не выдержав взгляда, заяц засуетился по комнате, наткаясь на совершенно ненужные ему сейчас предметы. И только оказавшись у шкафа, сообразил, что надо бы достать чистое полотенце.

В просвете ненадолго открывшейся дверцы Лиса успела заметить в каком идеальном порядке разложены по полкам вещи и довольно улыбнулась. А окинув взглядом комнату, моментально определила, где не помешало бы повесить занавесочку, куда постелить скатёрку, чем накрыть лежанку, да и парочка цветочных горшочков на окошке были бы совсем не лишними.

"Хозяйственный у меня Заяц", - подумала Ася. И испугалась своих же мыслей: "У кого?! У меня?! Да уж...шустрая я лиса...ничего не скажешь..."

Но тут же себе призналась, что думать так ей очень даже приятно.

А заяц уже застилал стол свеженакрахмаленной скатертью. Вскоре закипел, запыхтел вечерний самовар, и за окошком начало смеркаться. Запел первый сверчок, и от этой песни у Даньки в горнице запахло теплом и уютом. Ну, может и не запахло, но он-то сам этот запах определенно уловил.

Умывшаяся Лиса покрутилась перед зеркалом, подкрасила глазки-губки и, отчего-то даже слегка покрасневшаяся, стояла готовая присесть к столу.

Данька, искоса осторожно наблюдая за ней, лишь усмехался, невольно любуясь своей гостьей, но при этом изо всех сил изображал полное безразличие.

- Прошу Вас садиться, Ася. Не побрезгуйте угощением. Чем богаты, тем и рады, - усаживая за стол Лису, Данька придержал её под локоток. Он уже не удивлялся своим неизвестно откуда взявшимся благородным манерам, но всё же подумал: ставить ли на стол медовуху или для первого раза это всё-таки неудобно.

Лиса посмотрела на закуски, слегка поморщилась такому обилию овощей и вздохнула.

"Сейчас бы курочки поджаренной", - грустно подумала она и

сглотнула слюнку. - "И все-таки - чем это так вкусно пахнет?.."

Ей вдруг снова стало себя жалко. Так жалко, что даже захотелось заплакать.

Но она не успела.

За стол, невозможно воображая, усаживался хозяин. Со свежестриженными усами, надушенный, в белоснежной рубашке и желтом галстуке.

"И когда он только успел?" - удивилась Лиса, но вслух сказала:

- Вы, уважаемый, прям, словно на парад вырядились...

- Ася, меня Данилой зовут.

- ...приятно...познакомиться... Вы... очень радушный хозяин,.. и красивый,.. и модный,.. - Лиса вдруг поняла, что не находит нужных слов и несет всякую чушь.

И тут она неожиданно вспомнила все положенные ей по роли слова о ледяной избушке, и о обо всем, что там было дальше...

Прикусив губу, она с секунду подумала и решила внушить себе, что ничего такого и не вспоминала вовсе.

А Данька непонятно от чего вдруг осмелел и выставил таки на стол бутылочку медовухи.

С первого же глотка Лиса захмелела. Сказались и усталость, и день полный разных, не совсем приятных впечатлений.

Слово за слово, и у Лисы понемногу развязался язык. И захотелось ей излить свою душу, всю, без остатка, этому совершенно чужому, но невозможно милому мужчине. От него так хорошо пахло. Зайцем.

Подперев щеку лапкой и, время от времени смахивая набегающую слезу, слушал Данька историю тяжелой лисьей жизни.

Удивительно, те же самые сюжеты, прочитанные им сегодняшним днем, звучали в рассказе их непосредственной участницы совсем иначе.

Слушая свою гостью, Данька качал головой, цокал языком и поражался преувеличениям, с такой легкостью присочиненным авторами прочитанных им сказок.

"Да, уж...этим "сказочникам" ничего не стоит вот так запросто оболгать честного человека..."

И Волк, и Медведь, и мужик с рыбой раскрылись перед ним в совсем ином свете.

- Да уж... Вас да на воротник! Да какой-то старухе... Да это же беспредел! - он грохнул кулаком по столу так сильно, что жалобно забренчала посуда на полках. - Ох, Ася, извините, дорогая. Продолжайте, пожалуйста...

И он снова слушал её, затаив дыхание, только лишь раз повёдя чуткими ушами. Ему показалось, что за окном залаяли собаки.

"Показалось... А ведь как с ней интересно..." - подумал Данька.

Бутылочку медовухи они давно прикончили, но Данька так и не решился спросить у Лисы про Кота, а сама она на эту тему никак не выходила.

"Что же у них там произошло, что этот наглец выгнал такую красивую женщину на улицу? Из её же, получается, дома и выгнал..."

.....

А тем временем по темнеющим дорогам, из стороны в сторону, носились собаки. В заячем домике уютно светились окна, но самого Даньки нигде не было видно.

- Может, заяц какой-то другой дорогой в лес ушёл? И мы с ним разминулись? - вожак стаи недоуменно почесал за ухом.

Стая же сидела, низко свесив от усталости языки, и тоже ничегошеньки не понимала.

Возвращаться к Медведю без Зайца они опасались.

Но сколько уже можно гоняться в темноте? Они не люди что ли? Тем более что Данькой нигде не пахло...

- Ладно, побежали к Косолапому. Доложим, как есть, - решился вожак.

Псы благодарно залаяли и помчались через лес обратно.

Хмурый Медведь встретил их на полпути. Рядом с ним шагал донельзя перепуганный Волк.

Перебивая друг друга, собаки отчитались о безрезультатности своих поисков.

Медведь раздраженно взглянул на вожака, рыкнул и обидно обозвал того и его стаю безмозглыми ищейками, да и отправил их по домам.

В принципе, и в писаной сказке собаки вернулись ни с чем, но там хоть видели плачущего зайца. А эти что?

"Безмозглые и есть! - решил про себя Медведь. - И ничего я и не погорячился... Вроде... Но вожака уволю! Завтра же!"

Следующим шёл Волк. Он хоть и хорохорился, но ноги у него от чего-то плохо гнулись в коленках. А тут еще Волчица так не вовремя вернула ему мокрый носовой платок.

"Плохая примета... К разлуке..." - почему-то решил Серый.

Только он это решил, как Медведь хлопнул его по плечу. Вроде бы и по-дружески хлопнул, но Волка унесло словно осенний листик в тёмный лес.

"Силу Медведю девать некуда, - проворчал себе под нос Волк. - Громила. Сам бы и шел. Всё равно все знают, что я ни с чем вернусь. Если вернусь, конечно... И чего по ночам людей-то гонять? Хотя, возвращаться с половины пути - это нехорошая примета..." - и он на бегу промокнул разом вспотевший лоб платком.

Платок так хорошапах Волчицей.

Волк понял, что вернуться должен во что бы то ни стало!

А решив, сразу же приметил, как ярко и празднично светятся окна в заячьем домике.

"Угу... Разве будет Лиса беречь чужое электричество?.." - решил он. - Точно! Там она! Век мяса не рубать!"

Откуда ему, горемычному, было знать, что это сам бережливый Данька устроил непозволительную иллюминацию. На радостях.

Побродив по дорожкам и обнюхав многочисленные собачьи следы, Волк несмело вошел во двор. Вот здесь Зайцем еще попахивало. Заметив новенькую лавочку, Волк решил присесть и немного передохнуть перед новыми поисками. Уютно усевшись и вдохнув приятный осиновый дух, Волк вдруг насторожился.

Он слышал смех.

Мало того! В доме смеялись двое! Не только Лиса, но и...Данька!

Обалдевший Волк привстал, заглянул в окно и от увиденного застыл каменной статуей.

За столом рядышком сидели Данька и Ася. Веселые, раскрасневшиеся, они влюбленно смотрели друг на дружку и чему-то заразительно смеялись.

- Так это была твоя бабка?

- Так это был твой дед?

...услышал Волк совершенно непонятные ему обрывки фраз.

Он вздрогнул, потому что в темноте его кто-то легонечко взял за плечо. Рядом с отвисшей челюстью стоял Медведь. Он переволновался, устал ждать и пошел выручать Серого из беды. Беды почему-то не наблюдалось.

И Волк, и Медведь как-то виновато вздохнули, взглянули друг на дружку и, не сговариваясь, всплеснули лапами.

- Вот незадача!.. Зайца-то, получается, и не выгнали вовсе?.. -
Медведь едва выдавил из себя слова.

- Получается, не выгнали.

- Так это же прямое и наглое искажение русской народной сказки...получается!

- Получается, искажение... - этим отозвался Волк.

- Это ты или моё эхо? - Медведь строго посмотрел на Волка.

Но тот, не отрываясь, смотрел в окно.

- Слушай, а может они и не русские вовсе? - спросил Медведь.

- Да вроде русские... - растерялся Волк. - Заяц, он точно русак!

- А чего тогда такие неправильные?

- Да наверно не тех книжек начитались...

- Ладно, пошли домой. Не будем мешать простому человеческому счастью...

- А лесному сходу что скажем?

- А что е-с-с-сть, то и с-с-скажем!

- Ах ты, чертовка! - Медведь не успел ухватить за хвост выпорхнувшую из под лап сороку. - И откуда она, парарацци такая, тут так некстати объявилась?

А та, довольная, что первой разузнала что-то необычное и сенсационное, уже всюю стрекотала где-то далеко в лесу.

.....

Ранним утром Данька вышел на крыльцо, потянулся и, не успев даже зевнуть, так и застыл с разинутым ртом.

За воротами молчаливо столпились все лесные жители.

Повисшая в воздухе неприятная пауза длилась и длилась.

- А Лиса где? - смущенно спросил наконец опомнившийся Медведь.

И было ему совсем не понятно, как прозвучали его слова: с угрозой или так...порядка ради.

- Спит моя Ася. А что? - Данька невольно принял оборонительную позу.

Среди зверей пронёсся изумленный ропот. Первые передавали Данькины слова дальше, к тем, кто их не расслышал.

А заячьи мамы, крепко держа своих дочек за локоточки, и вовсе осуждающе качали головами.

Тут дверь заячьего домика открылась и на крыльцо вышла Ася, в нарядном платьице из Данькиного сна.

Он обернулся к ней, да так и остался стоять, явно не в силах отвести своего восхищенного взгляда.

- Откуда у тебя это платье?.. - наконец выдохнул Данька.

Лиса, совершенно довольная произведенным ею фурором, с деланным безразличием пожала плечами и сказала, как о чем-то обыденном:

- Ах...это... Так оно у меня всегда было...

Медведь, с пониманием наблюдая за ними, усмехнулся каким-то своим мыслям, переступил с ноги на ногу и сказал:

- Данька, так мы ж это...поздравить тебя, то есть вас обоих, пришли. Накрывайте поляну, в дом мы все не поместимся.

Лесные жители одобрительно зашевелились, громко и все разом заговорили, а Данька только теперь увидел, что все звери стоят с полными руками гостинцев.

Лес гулял больше недели.

Звери, заразившись то ли весной, то ли чужим счастьем, заметно подобрали, потеплели друг к другу.

Немного захмелевшая Лиса, сидя на лавочке, записывала в пухлый блокнот какой-то очередной хозяйственный рецепт.

- Я же теперь вегетарьянка, - объясняла она кому-то.

- Ася,... "ве-ге-та-ри-ан-ка", - отвлекшись от беседы, поправил её Данька.

- Да, спасибо, Данечка, ве-ге-тарь-ян-ка, - повторила она, споткнувшись на том же слогое, и обворожительно ему улыбнулась.

Зяец покачал головой и, не выпуская наружу рвущегося удовольствия, продолжил свои мужские разговоры.

....

Следующей весной к Лисе срочно позвали бобреху-повитуху.

Даньку же, снабдив какой-то книжкой, на целый день отправили погулять.

Тот, еще более растревоженный и растерянный, чем даже в прошлом году, когда мастерил на этом самом месте счастливую лавочку, бродил по двору, явно не находя себе места.

Он зачем-то сходил в сарай, потом второй раз покормил курочек, затем пощупал на грядках с морковкой землю - не пора ли высаживать рассаду. И, поевшись от какого-то внутреннего озноба, присел с книжкой на лавочку. Данька машинально полистал её странички и наткнулся на сказку "Лиса и Заяц".

Прочитав её, он захлопнул книжку, чему-то усмехнулся и какое-то время просидел в задумчивости.

"Надо же, как мы с Асей сказку-то исказили, - подумал вдруг

Данька, поглаживая лавочку. - Пусть простят нас сказители, но всё же интересно, изменилось бы хоть что-то в тот вечер, прочти я тогда и эту историю?"

Впрочем, вопрос этот был чисто теоретическим и оттого совершенно счастливый Данька просто махнул лапкой. Он тихо порадовался своему маленькому счастью и тому, что всё сложилось именно так, как сложилось.

В этот раз он знал точно, что скоро в его доме приключится что-то хорошее. Даже...очень хорошее.

Вскоре в окошко постучали, и он стремглав кинулся в дом.

Ася улыбалась, показывая глазами, чтобы он заглянул в корзинку. В ту самую, которую Данька закончил плести сегодняшним утром.

В корзинке, обнявшись, спали серенькая Лисичка и медно-рыжий Зайка.

Оставалось придумать им имена.

Мария Чудесникова

г. Москва, Россия

Промчалось...

Промчалось ...
Сны поменялись
И исказили что было ...
Ты не поверишь – любила.
Так, что рвалось сердце вздохом,
Так, что казалось - я с Богом!
А ненасытные страсти
Тело делили на части.
Тело мое вспылало ...
В бездну немую упало ...

Промчалось ...
Небо, немое небо ...
Где только блудный не был,
Где только не носило ...
А я, как прежде любила,
И все ждала, ожидала,
Но ... сердце снова упало
Под ноги. Я не молилась,
Я от себя избавлялась –
В землю немую клонилась
Каялась и прощалась ...

Промчалось ...
Все безрассудно минуло,
Все словно в время нырнуло
И поплыло облаками.
Время опять между нами,
Но возвращения нету ...
Смятое, словно газета,
Брошено на мостовую,
Время ...
Умчалось в пустую ...

От минуты до вечности

Мне суждено любить тебя по дням,
Внимая ветру, спорить с своей жизнью –
Что это время выпало не нам ...
О Боже, как же время ненавистно!

Мне суждено любить тебя года,
Встречать рассветы, провожать закаты
И слышать, как безумная молва
Все дни разбила нам с тобой на даты.

Мне суждено любить тебя века.
Дорога жизни тянется вселенной
И кажется, порою, далека
Пропавшим сном, терявшаяся бездна.

Но помню – суждено любить лишь миг.
И я ценю дарованное время.
Моей души, прохладною, родник
Судьбы твоей, увя, уж не изменит.

Снежинка

Смотри, на ладошке снежинка.
Первая. Видишь? Возьми.
Как перекрестие жизни,
Как перекресток пути.

Смотри, на ладонь опустилась
Ярким, загадочным сном,
В свете луны заискрилась
И позабыла свой дом.

Нас с тобой соединяя,
Тонкие струны ведя,
От края земли и до края,
От края меня, до тебя.

Мы не вдвоем

Мы не вдвоем с тобой раскрасим наши жизни
Я серую возьму, а ты лазурь,
Я медленной волной, а ты подвижной,
Я шепотом листвы, ты – силой бурь.
Мы расцветим с тобою два астрала –
Мой – тихий, звездный, твой же - из комет.
Я расскажу дождем, как я устала,
А ты же солнцем осветишь рассвет.

Мы порознь раскрасим наши жизни –
Я у мороза выпрошу вуаль,
А ты – в кружав оттенки, брызги искр
Вплетешь, взорвав весной февраль.

Такие разные две жизни во вселенной.
Одна течет, меняясь чередой.
Другая, воспаряя постепенно,
Взрывается безудержной волной.

Измена

Опустилась зима на колени.
От измены уснула боль.
Одиночества плен безмерный
Запер сердце мое за тобой.

Я отвыкну по утру плакать
И остынет от жара душа.
Не гадать, не любить, не падать,
Не грустить, не летать, не бежать.

Опустилась зима на колени
И так преданно в душу глядит.
Поутихла боль от измены,
Только снег чуть ладонь холодит.

Когда-нибудь

Когда-нибудь золото осени
Сменит зимы серебро
И сумерки с легкой проседью
Заменят тепло вечеров.

Шагами по зябким улицам
Пройдетесь шальная грусть,
В мороз утопая, в снег кутаясь
И я в весну не вернусь –

В ее изумрудную пасеку,
В которой медовый закат.
Останусь в зиме – в белой засухе.
Весна, не гляди назад.

Вперед, без девичьего зарева
Тебе суждено цвести.
По серебру, в смену золоту,
Мне в зиму свою брести.

В осени

Ковер листвы насквозь промок
И утки на крыла становятся,
Рисует блюз холодный дождь,
Машины по проспектам носятся.

Туман окутал в парке пруд,
А ветер мечется по прежнему,
Но не играет, а скулит,
Прощаясь с вешними надеждами.

Повернуто к зиме лицом
Мое потерянное время.
Я в одиночестве своем
Потухшей осени не верю.

Разбрелись мои слова по книжным полкам

Разбрелись мои слова по книжным полкам.
Разбежались мысли листьями по ветру.
Холод звезд для глаз морозный, колкий.
Только я в обман опять не верю.

Так привыкла сердце ошибаться снова.
И опять, опять, по тем же лужам,
Словно для любви моей основа –
Что тепло мое уже давно не нужно.

Глупо! Правда? Собирать наветы,
Обещания хранить. Я в преисподней
Укрываю ото всех свои секреты.
Не люблю. Пусть сердце льдом холодным ...

Бабья осень

Улыбнусь случайному прохожему.
Улыбнется тоже, прочь спешит.
Я же не спешу. Погложет
Утро над Москвой моей висит.

Прогуляться. Это лето бабье ..
Полную, свободы, грудь вдохнуть.
На работу ... Мысль шальная – надо ли?
Может развернуться и гульнуть?

Легкою походкой шумным улицам
Написать немислимый мотив.
Вот и воробьи в кустах балуются,
Крошку хлеба недоразделив.

Солнце отразит шальное золото
Этой осени - начало так пьянит! –
Не старуха, нет! Так молодо
На дворе сентябрь прозвенит.

Даже дождь не путает беспечные
Лета бабьего мелькнувшие стихи.
Улыбнусь прохожему по вешнему
И пусть дальше, по делам спешит.

Не прошепчу «Прощай»

Тебе не прошепчу «прощай»
Не мне твои считать минуты,
Да и свои.....

.....Ты помнить обещаешь
Девчонку, в бессловесном утре.

Она вернется, как придет зима.
Она всегда привыкла возвращаться,
Решать вопросы, наобум, сама
И вечерами в сне своем купаться.
Она вернется, как пройдут дожди,
Как пролетят молитвы. С колокольни
Колокола и шумные грачи
Расчертят облака, как самолеты.

Она вернется. Только подожди
И навсегда твоею станет.....

Я не скажу тебе сейчас «прости».
Оно «прощанью» верить перестанет.

Осень подморозила опять

Осень подморозила опять.
Поиграть решила в завитушки,
Что по стеклам по ночам летят ...
Острые снежинки-погремушки

Проиграть решили лунный вальс ...
Да вот только лето не хотело
Отпускать тепло воздушных масс,
Отпускать к зиме родное тело ...

Осень, как и прежде ворожит,
Да вот только лету не тревожно.
Отыграют скоро виражи
Легкого, безумного неона

И когда-то где-то там рассвет
Обратит морозы снова в лето.
А покуда, осени сюжет
На листках безумного поэта...

Ангел

Я в ночь нырну.
Мне душу обожжет ...
С карниза ангел
На землю спустился.
Мгновенье сна
По пальцам проскользнет ...
Его глаза ...
Прошу остановиться.
Его глаза ...
В них будто свет погас.
А я, напротив –
Жажду продолженья.
По жилам пробежится
Ритмом джаз
И вспыхнет мимолетное
Волнение.

Волнение .. Блудный ангел,
Будь моим.
Мы в эту ночь
По звездам пробежимся.
Взгляни в глаза –
В них радуга двоих ...
Ну почему
Ты быть со мной боишься?

Ты перестал отвечать на письма

Ты перестал отвечать на письма.
Я забыла, как ждать тебя.
В хороводе листвы повисла
Тонкой нитью небытия

Грусть моя, затаенная где-то
И пролившаяся дождем.
Я забуду слепого поэта,
Что стучался по утру в дом,

А потом все шептал: «Ты тоже
Так научишься сочинять,
Будешь души кружить прохожих,
А ночами разлуку ждать»

Не поверила, отпустила.
А теперь, для чего пишу?
Не читаешь по струнам света
Почему я одна грущу.

На ладошку опустил лист

На ладошку опустил лист:
- Погадай, девчонка, не скупись,
Расскажи, что скоро суждено?
Я молчу. И больно и грешно
Так смотреть. Ведь жизнь так коротка...:
- Мой малыш, моя легка рука,
Ты на ней немного отдохни,
А потом опять вспорхни, лети,
Продолжай кружиться на ветру!
- Ах, девчонка, знаю – я умру,
И закончу под ногами путь.
На ладони я хочу уснуть.

Ласково с собою придержи.
Мне судьбу другую покажи ...
Забери с собою, от ветров,
Унеси под теплый дома кров ...

Этот лист теперь со мной,
Охраняет сон беспечный мой
В холода морозные, в окне –
На бумаге, в рамке, на стене.

Облюбовала грусть уголок

Облюбовала грусть уголок,
Двери закрыв на засов.
Паутинка из слов, под потолок -
Роман печали готов.

Бой часов отдается набатом в душе –
Ты одна, ты одна, одна.
Я не верю в разлуку, но холодно мне –
Зима. Опять зима

На пороге все топчется, хочет войти,
Но у грусти свой срок.
Да и мне на мороз, в ночь не уйти –
Грусть закрыла дверь на замок.

В доме печка, но холод по стенам ползет,
Затмевая собой свет.
Прекратила душа мимолетный полет –
Желания больше нет.

Я тобой наслаждаюсь и тобою дышу

Я тобой наслаждаюсь и тобою дышу,
Но тебе я об этом никогда не скажу.

Потеряла себя я средь звездной пыли,
Ты прости – я не каюсь – и в глаза не смотри.

В них увидишь печали, а зачем, для чего?
В этом мире теряюсь, не поняв одного –

Для чего по планете, шаг легчайший кладя,
Я ступаю-взлетаю. Для чего? Для тебя?

Ангел грусти подарит мне котомку стихов.
С ней продолжу дорогу. Для чего. Для чего?

Не понять, не услышать мне ответов своих.
Для чего в эту ночь сочиняю я стих?

Законы жизни

Не улыбаюсь – не хочу.
Дорожкой млечной тянется печаль.
Учу законы жизни я, учу
И времени на это мне не жаль,

Да только не понять своей судьбы
И не увидеть никогда глаза,
В которые смотри и не смотри,
Но пропадаешь, пусть любить нельзя.

Законы жизни иль иных миров
Переплели все судьбы и подчас
В глазах других мы не находим слов,
А кажется, что те глаза для нас ...

И кажется, что наш тот человек,
Что промелькнув на радужном пути,
Прошелся просто. Но погаснет свет ...
И душу рви, молчи или кричи,

А время мчится, ускоряя бег ...
Не успеваю правила учить ...
Мне встретился такой вот человек,
Что промелькнул, как яркий свет, в ночи ...

Так получилось

По моим рукам струятся тени
И стекают на пол с пальцев. Знаешь?
Ничего уже ты не изменишь.
Да и мне уж нечего бояться.

Все прошло, но что-то ждет в пучине
Пенящихся лет, за горизонтом.
Ты останешься моим мужчиной.
И меня в судьбе никто не тронет.

Я, тебе подаренная ветром.
А ты мой, нашедшейся внезапно.
Отсчитаем пары километров,
И опять воротимся обратно.

Как бы жизнь с тобой не разводила,
Как бы мы с тобой не расставались.
Остаешься ты со мной, мужчина,
Да и я, опять стремлюсь обратно.

Пора

Перо в руке устало тосковать.
Пора забыть все прошлые обиды
И те мечты, что как вода разлиты,
Пора обратно в луночки собрать,

Затеять заполночный разговор
И навсегда, нырнув в твои объятия,
Чуть осмелеть и просто сбросить платье.
Закрыта дверь. Мне прошлое давно

Пора принять – прошедшим разговором,
И выбросить осенний, прошлый хлам,
Чтобы принять все новое. Мечтам
Отдать себя, разрушив все основы

И снова захотеть летать.
Возьми же тихо ты меня за руку.
Забуду прошлые свои разлуки.
Тебя любить и по ночам мечтать ...

Лучшее в “Многоточии...”

Ольга Михайлова

Под пьянящие звуки гитары

Под пьянящие звуки гитары
Чистым голосом сердце порань.
То ль погибель моя, то ль подарок,
То ли просто красивая дрянь.

Научилась заламывать руки,
Соблазнительно грудь ходуном.
Отчего же бесчувственной суке
Совершенное тело дано?

Для того ли, чтоб горьким безвольем
Напоить мужиков допьяна?
Чтобы души чужие мусолить
У открытого настежь окна?

В глубине притаилась волчица.
Померещилась жуткая пасть.
Мне бы в волосы эти вцепиться,
Мне б к губам этим нежным припасть.

Разорвать паутинное платье,
Опалить безрассудством огня,
И до дури слепой целовать бы,
Прижимая ее к простыням.

Легким ветром задует огарок
Облаченная в нежности рань.

Под пьянящие звуки гитары
Ранит сердце красивая дрянь.

Галина Мальцева

Сделка

Охальник ветер птицей золотой
Гоняет лист по мокрому тротуарам.
А мне сегодня все дается даром -
Твой долгий взгляд, мой призрачный покой.

Не плачу! И не жди, не заплачу.
На сдачу у тебя - одни разлуки
И мелочь ссор. Отдамся на поруки
Надежде - тонко лгущему врачу.

Идешь - как глупо! - сразу напролом.
Но ветер переменится, наверно.
Он бросит, наигравшись, олух скверный,
Ту птицу - с переломанным крылом.

Как ловкий вор, уходит от расплат
Скиталец, обходящийся без крова.
Он жертвою своей не очарован,
В беде ее ничуть не виноват.

Ты хочешь отомстить мне: боль за боль!
И, жадный, не смиряешься с убытком.
А листик тонкий - птица-инвалидка,
Безжалостно растоптанный тобой,

Лежит в грязи. Тому, кто о цене
Готов забыть - урок. Увы, напрасный.
Послушай... Я на все давно согласна...
Но что ты предложить посмеешь мне?

*Первая строка из стихотворения Людмилы Шкилевой "Не велено" - на конкурс "Арена".

Левенталь

Сор вопросов

Мы однажды, как сор, выметаем вопросы с порога,
Перестав замечать умноженье саднящих отметин,
Перестав наклоняться за галькой округлых ответов,
Не надеясь найти под ногами "куриного бога".
Наши мысли и сны деградируют в пыльную бурю,
Что глаза заслезит и нырнёт в тротуарные щели,
Словно залп холостой, в сотый раз не доживший до цели,
Словно лучший порыв, удушённый в словесной текстуре.
Нам усталость к лицу, разучившимся плакать по-детски,
На Прокрустовом ложе читающим Пруста и просто
Выметающим сор не доживших до веры вопросов,
Потому что до смерти от жизни нам некуда деться.

Татьяна Миронова

Пять лет спустя...

Пять лет спустя... Всё тот же город
Бесцветных улиц и домов,
И тот же равнодушный холод,
Сплетённый из ненужных слов.

Пять лет спустя... Я в той же роли,
Я трачу мысли на стихи.
Чуть больше лжи, чуть меньше боли
И бесконечные грехи.

Пять лет спустя... Всё та же песня
О неизведанных мирах,
И на земле мне снова тесно,
Как, впрочем, и на небесах..

Владимир Бродский

Я вертел сегодня штурвал

Я вертел сегодня штурвал,
ветер в спину сумел украсть я,
у скупой фортуны урвал
счастья.

Цепь судьбы своей перегрыз,
одолею ненадолго долю,
наглотался сладости брызг
вволю.

И меня любила волна,
в целой вечности от похмелья
не боялся, что сяду на
мель я.

Протыкая штопором шторм
океана, вставшего дыбом,
якорь я отбросил на корм
рыбам.

Как Голландец новый летуч,
возникая тайной и тая,
мчался я, и отстала туч
стая.

Марина Лёйшель

Египтянин

Египтянин был смугл, красив,
и акцента его курсив
вырисовывался на губах,
на крахмальных листах рубашек.
На ладонях моих, на пальцах
вышивались слова на пятачках:

"Ты себя в меня перелей..."
Мусульманской любви елей
был на вкус горьковато-сладок.
Был скульптурно тяжел и гладок
плеч египетских разворот.
И лилось мне на веки, в рот
то ль вино, то ли сок граната,
то ли ласковая соната.

Пересилив коварства боль,
все ищу с переливом смоль,
все ищу его пряный запах,
лесть кошачью на мягких лапах...
Искуситель, властитель, раб,
каждой женщине - свой араб.

Дмитрий Палев

Он ушел, оставив свет...

(Памяти П.Вегина)

У любви гарантий нет...
Но еще сквернее братцы –
Август,ходишь в интернет –
И ещё с одним прощаться...

Он ушел, оставив свет
И «всемирную бездонность»
На чужбине столько лет
Душ исследовал исконность

Свет оставил, выйдя в ночь
Так – как обещал однажды
Чтобы дальше жить помочь
Той, что «и вода, и жажда»...

У любви гарантий нет –
У читательской – подавно...
Нет! Не «был»! А «есть» поэт!
Просто он ушел недавно...

Он ушел, оставив свет...

Елена Миронова

Кошка-луна (серебряное и золотое)

Отпусти в синеву свой серебряный слух —
притаилась на облаке кошка-луна:
и шурша сединой легкокрылых старух,
ловит теплую мышь беспокойного сна.
И макает усы — в молоко февраля.
И царапает белую смальту окна.
Онемевшие губы к ней тянет земля —
только кошка всегда остается одна.
И крадется вдоль крыш, золотым животом
не касаясь седой черепичной фольги —
и серебряный иней встает над кустом,
и серебряный ангел плетет из пурги
нежный профиль зимы...
полукружье плеча...
непослушную линию тонкой ноги...

И в серебряный лес отступает печаль,
раскачав фонарей золотые круги.

Сергей Ворошилов

А ночь мадонною босою...

...А ночь мадонною босою
Сошла с небес, неся зарницу.
Она серебряной росой
Дитя поила у криницы,

Купала в облаке-корыте
Родное чадо втихомолку,
С волос роняя непокрытых
На землю звездные заколки.

И упустила, вот досада,
Луны оранжевое мыло...
Был поздний август. Звездапады.
Я это видел. Так и было...

Горькая осень

Капли алой брусники,
Кровь поникших рябин.
Под гусиные крики
Мы с тайгою скорбим...

Низкий холмик и каска.
Молчаливый поклон.
Осень брызнула красным -
Болью горьких времен...

Мария Богомолова

Живопись

Фруктовую пишу тебе картину.
Втираю мякоть в масляные пятна
и, смачивая пальцы липким соком,
по плоскости плыву туда - обратно.
На грани остановки кровотока
вожу рукой и напрягаю спину.

Не удивлю талантами своими.
Подарок анонимен. Неизменно
по Еве рёбра ноют у Адама.
И вскоре позовешь, когда на стену
повесишь, чтоб под яркими плодами,
вдвоём искать припрятанное имя.

Содержание

Ольга Абайкина

На шкуру убиенного медведя	5
Любовь не может быть грехом	5
Цените грядущего классиков	6
Ночь уронила на порог, как самотканую прохладу	6
Тульские пряники, тульские ружья	7
Тебя, на святость обрекая, как сто вагонов под откос	7
Я совесть твоя, и твоё искупленье	8
Страданий полунощная наперсница	8
Мудрость, раскрываясь чашей лотоса	9
Со дна затмений кратким откровеньем	9
Ноябрь, по прошлому алая, обдав волною мирных шестивей	10
Не лови ворон – зеркала тянут жуть, словно сталь магниты	10
Вера нам на всех одна дана, но слова... Они порой так странны	10
В нашем тазике страстей не меняют воду	11
Не ремесло, но хобби лоботряса	11
Настроив память на предел печали	12
Истинного золота земли Яуза вертлявая намыла	12
Ты так хотел, чтоб победила плоть	12
Дождь нудней, чем китайская пытка	13

Сергей Глухов

Она пишет стихи	14
Ты только не молчи	14
Похолодало в области груди	15
Люди!!!	15
Я прощаю тебя	16
Твое желание любви	16
Ну, вот и все	17
Скажи мне Бес	18
Увы, мой ангел	18
Эта ночь была долгой	19
Мне в этом городе родиться "повезло"!	19
Провода вдоль домов	20
А голос твой сел от моих усилий	20
Вид из окна	20
Эта жизнь, словно ярмарка злобы	21
Монолог стакана	21
Мы сводим друг друга с ума	23
Бойся, поэт, состязаться с величием музыки	23

Валентина Дроздецкая

Не ревнуй, любимый мой, не надо... ..	24
Твои карие глаза... ..	24

Мне надоели бури и волнения.....	25
Разлучница	25
Шанс из тысячи	25
Все имеет твой срок	26

Татьяна Игнатьева

Здесь прозрачные дни над рекой	27
Разложены пасьянсом облака	27
Тихвин	28
Падение Владимира	28
Моя Гардарика – бревенчатые сны	30
Валаам	30
Мне бы вырваться, попросту вылезти	31
Одиночество духом пернатым взлетает из рук	31
Я потерялся, кажется	32
Коло Рода	32
Одиночество, питающее прозу	33
Декабрь	33
Страдивари	34

Яна Кошук

Увидишь дождь за окном – ты не думай, не слезы.....	35
Лавина горячего снега	35
На планете Юга	36
Неяблочное чувство больше не	36
Необещанное	36
О чем пила, за что сбегала в чашу	37
Укутавшись в белый флаг	37
О маленьких девочках, любящих боль	38

Виктор Кузнецов

Юность проснулась и снова ушла	39
Как упорно, порой даже дико	39
Желание	39
Рыдай, твой эгоизм наказан	40
Моя мечта	41
Ни богом, ни чёртом, а человеком	41
Чувства женщины	42
Паршивый год; Жестокий, несуразный	42

Александр Лебедев

Уйдёт любовь - умру.....	44
Ты хотела узнать, почему вдруг уходит любовь.....	44
Нам знать,увы, не суждено.....	45
Офицерская доля	45
Мой генерал	46

Как чуден Петербург в июне	47
Проводы зимы	48
Мне надоело быть приличным семьянином!	48

Марта Эй

.улей.	49
.едва.	49
.к анне.	50
.с усмешкой на устах и с хрипом в горле.	51
.рапан.	51
.осенью.	51
.кара/мель.	52
.так давай.	52
.маргаритка.	52
.без рамок.	53
.ускользая.	54
.о Вечном.	54
.именинник.	55

Надежда Смаглий

Как медведи встречали Новый Год	56
Близнецы	57
Мама, я и Много Дел	58
Мы с другом Серёжкой... ..	59
Обезьянка по имени Янка	59
Трудная задача	60
Заглянула луна в окошко... ..	60
Мышки, крошки, воробей... ..	61
Сорняки	61
Любопытный лисёнок	62
В зоопарке	63
Лужа и лучик	63
Два мышонка	64
У зайчишки - шалунишки	65

Наталья Уланова

Данька Кисточкин	66

Мария Чудесникова

Промчалось... ..	79
От минуты до вечности	79
Снежинка	80
Мы не вдвоем	80
Измена	81
Когда-нибудь	81
В осени	82

Разбрелись мои слова по книжным полкам	82
Бабья осень	82
Не прошепчу «Прощай»	83
Осень подморозила опять	84
Ангел	84
Ты перестал отвечать на письма	85
На ладошку опустился лист	85
Облюбовала грусть уголок	86
Я тобой наслаждаюсь и тобою дышу	86
Законы жизни	87
Так получилось	87
Пора	88

Лучшее в “Многоточии...”

Ольга Михайлова

Под пьянящие звуки гитары	89

Галина Мальцева

Сделка	89

Левенталь

Сор вопросов	90

Татьяна Миронова

Пять лет спустя... ..	91

Владимир Бродский

Я вертел сегодня штурвал	91

Марина Лейшель

Египтянин	92

Дмитрий Палев

Он ушел, оставив свет... ..	92

Елена Миронова

Кошка-луна (серебряное и золотое)	93

Сергей Ворошилов

А ночь мадонною босою... ..	93

Горькая осень	94

Мария Богомолова

Живопись	94

Памяти нашего друга...**Сергей Заморин/Грэй/**

7 июля 1956г. - 14 января 2008г.

Воспоминания

От наших пряных
встреч прошли года.
Легка воспоминаний
пыль.
Как странно,
что меня Вы не забыли,
и я Вас тоже не забыл.
Меня Вы, кажется, тогда
любили
и я, представьте, Вас любил.
Какими глупыми мы были...
А может, снова всё начать?
А может, что то и осталось?
Ну вот, опять
я размечтался,
колесным перестукам в такт.
Расплавилась в руке остатки
шоколадки,
в стакане кисло-сладкий
чай остыл
КАК-КИМИ ГЛУП-ПЫМИ МЫ БЫЛИ...

Декабрьское. Раннее

Случилось то,
чему положено случиться.
Декабрьским утром ранним,
глобальным потеплениям
плену
отдавши красочную дань,
монисто
серебристых листьев
сбросив,
в изнеможении
упала на колени
неистовая танцовщица
Осень.
А на пороге
дат банальной
перемены
в насмешливом, но строгом
полупоклоне
бальном
голову склонив,
снежинок с ледяной короны
рассыпая клоны,
как суверенная царица,
холодная
Зима стоит.
Красавица.
Уже Царица

Сергей Колонов
Порой осенней

Порой осенней яркий солнца луч
Обманет на мгновение погоду,
Серпом разрежет покрывало туч,
Летучий друг стареющему году.

Едва исчезнет, затемнив стекло-
День вдруг захнычет грустно и уныло,
Напомнит мне, как в никуда стекло,
Исчезло всё, что между нами было.

И что сказать, коль молодость весны
Совсем не встретить в старческих сединах.
Оставь мне счастье в ягодах лесных
На миг вкус губ почувствовать любимых.

Ещё не раз в мелькании светил
Тебе скажу: Я счастлив. Я любил.